

НОВОЕ ИСКУССТВОЗНАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Е. О. ВАГАНОВОЙ
И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕЙ

№ 2 (2020)

NEW ART STUDIES

SUPPLEMENT

MATERIALS FOR THE BIOGRAPHY OF
ELENA O. VAGANOVA AND MEMORIES

No. 2 (2020)

Санкт-Петербург, 2020

УДК 7.061
ББК 85.03
Н 72

Новое искусствознание. Приложение. 2020. № 2. СПб: Фонд «Новое искусствознание». 43 с.

New Art Studies. Supplement. 2020. No. 2. St. Petersburg: "New Art Studies" Foundation. 43 p.

Издатель

Фонд «Новое искусствознание»
Кристина Олеговна Сасонко
директор Фонда «Новое искусствознание»
<https://www.newartstudies.ru/>
office@newartstudies.ru

Publisher

New Art Studies Foundation
Kristina Olegovna Sasonko
Director of the New Art Studies Foundation
<https://www.newartstudies.ru/>
office@newartstudies.ru

Контакты редакции

Ида Александровна Шик
Гл. редактор фонда «Новое искусствознание»
i.shik@newartstudies.ru

Editorial contacts

Ida Aleksandrovna Shik
Editor-in-Chief of the New Art Studies Foundation
i.shik@newartstudies.ru

Редакционная подготовка

Анна Валентиновна Морозова, Артем Ревазович Магалашвили,
Филипп Сунилович Бастиан, Ида Александровна Шик,
Наталья Владимировна Щетинина

Editorial preparation

Anna Valentinovna Morozova, Artem Revazovich Magalashvili,
Philipp Sunilovich Bastian, Ida Aleksandrovna Shik,
Nataliia Vladimirovna Shchetinina

Дизайн и верстка

Екатерина Дмитриевна Швайкова
metallica21.11@yandex.ru

Journal Design

Ekaterina Dmitrievna Shvaykova
metallica21.11@yandex.ru

© Авторы статей
© Фонд «Новое искусствознание»

В оформлении обложки использована фотография Е. О. Вагановой из фотоальбома В. А. Булкина.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENT

Воспоминания и материалы к биографии		Memories and Materials for Biography	
М. Е. Мавлеева. Памяти моих родителей	4	M. E. Mavleeva. To Memory of My Parents	4
А. В. Морозова. Елена Олеговна Ваганова (1949–1984). Биография. Образ учителя в памяти учеников	5	A. V. Morozova. Elena O. Vaganova (1949–1984). Biography. The Image of the Teacher in the Memory of the Pupils	5
М. Ю. Евсевьев. Кафедральная, и не только, хроника времен Елены Вагановой	14	M. Yu. Evseyev. Chronicle of the Time of Elena Vaganova: Department of Arts History and More	14
Б. М. Кириков. Наши студенческие годы	18	B. M. Kirikov. Our Student's Years	18
Н. А. Бондарева. Памяти Е. О. Вагановой	21	N. A. Bondareva. To the Memory of E. O. Vaganova	21
Н. Н. Воробьева. Воспоминания о Елене Вагановой	22	N. N. Vorobieva. Memories about Elena Vaganova	22
О. В. Кицул. В память об учителе и друге	23	O. V. Kitsul. In Memory of Teacher and Friend	23
Е. А. Кононенко. Доброй памяти Елены Олеговны Вагановой	25	E. A. Kononenko. In Good Memory of Elena Olegovna Vaganova	25
Н. В. Филичева. Воспоминания. Кафедра. Елена Олеговна Ваганова	27	N. V. Filicheva. Memories. Department. Elena Olegovna Vaganova	27
Фотоальбом	30	Photo album	30
Некролог	43	Necrologue	43

УДК 7.072.2

Мавлеева Мария Евгеньевна, филолог-испанист. pandaerizo@gmail.com

Mavleeva, Mariya Evgenievna, philologist, specialist in Spanish. pandaerizo@gmail.com

ПАМЯТИ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

TO MEMORY OF MY PARENTS

Родительский дом — начало всех начал. Эта фраза, пусть она и стала избитой до невозможности, выражает самую суть. Мои дорогие родители, Елена Олеговна и Евгений Васильевич. Просто мама и папа. У каждого человека свой путь в этой жизни, иногда очень длинный, а иногда настолько короткий, что диву даешься, сколько всего можно уместить в него и в профессиональном, и в личном плане. Больно

понимать, что вас так давно нет рядом со мной. Огромное вам спасибо за самое драгоценное, что есть в этом мире, за жизнь и за переданное мне умение проживать каждую ее минуту и никогда не сдаваться! Низкий вам поклон и вечная память!

Большое спасибо уважаемым маминим студентам за создание этого сборника и просто за память сердца!

УДК 7.072.2

Морозова Анна Валентиновна, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. 199034. amorozova64@mail.ru

Morozova, Anna Valentinovna, PhD in Art History, Full Doctor in Cultural Studies, associate professor. Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation. amorozova64@mail.ru

ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА ВАГАНОВА (1949–1984). БИОГРАФИЯ. ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ В ПАМЯТИ УЧЕНИКОВ

ELENA O. VAGANOVA (1949–1984). BIOGRAPHY. THE IMAGE OF THE TEACHER IN THE MEMORY OF THE PUPILS

Елена Олеговна Ваганова — искусствовед-испанист. Она прожила очень короткую жизнь, уйдя из нее в 34 года, но сделать успела удивительно много: опубликовала 13 печатных трудов (еще 7 были ею подготовлены, частично сданы в печать и вышли уже после ее смерти, в том числе монография о Мурильо); подготовила и сдала в печать еще два труда, так и оставшихся, к сожалению, неизданными — исследование по музееведению и альбом и вступительную статью к нему по творчеству Мурильо¹ [Основные публикации Е. О. Вагановой: 3–21; о научном творчестве Е. О. Вагановой см.: 36–41; 43]; воспитала десятки специалистов-искусствоведов², оставшись навсегда в памяти всех студентов кафедры истории искусства 1974–1984 годов обучения.

Елена Олеговна Ваганова родилась 13 апреля 1949 г. в Ленинграде. Ее родителями были Олег Александрович Ваганов (1916–1953) и Наталия Александровна Казакова (1915–1984). Мама [Биографию и список трудов Н. А. Казаковой см.: 27–30] — выпускница исторического факультета ЛГУ, там же закончила аспирантуру и защитила кандидатскую диссертацию, в 1945–1956 гг. она преподаватель исторического факультета ЛГУ, до рождения дочери и в последующем (1946–1948; 1960–1984) сотрудник Ленинградского отделения Института истории Академии наук, а также сотрудник сектора древнерусской литературы Института русской литературы «Пушкинский Дом» (1956–1960) и Музея истории религии и атеизма (1952–1953). В 1964 г. в ЛГУ Н. А. Казакова защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Н. А. Казакова занималась исследованием религиозных и еретических учений в эпоху русского Средневековья, участвовала в поиске, текстологическом и историческом анализе, подготовке к печати и публикации древнерусских рукописных текстов, изучала культурные, торговые и социально-политические связи между Древним Новгородом и Ганзой, историю Ганзейского союза, средневековую историю России и испано-русские культурные и исторические связи. Ее имя известно в испанистике, у нее есть публикации по проблематике российской и испанской истории [31–35]. Коллеги Н. А. Казаковой подчеркивали ее кристальную «щепетильную» честность и бескомпромиссность и в жизни, и в науке [23, с. 452].

В предпоследний год жизни Елены Олеговны ее мама тяжело болела, лежала в больнице, ей делали операцию, семья с внучкой-дошкольницей на лето 1983 г. никуда не смогла уехать, тогда все обошлось, мама выздоровела. Но не смогла пережить смерти дочери и трагически погибла в том же 1984 г., когда умерла и Елена Олеговна.

Отец Е. О. Вагановой — Олег Александрович Ваганов [Биографию О. А. Ваганова см.: 2] — тоже выпускник ЛГУ, историк, доцент Исторического факультета ЛГУ и сотрудник Института истории Академии наук, член партии, фронтовик. Про Олега Александровича в своей книге «Хорошо посидели!» вспоминает его коллега по университету Даниил Натанович Альшиц [1, с. 18–21, 74–75]. О. А. Ваганов отказался сотрудничать с органами госбезопасности, не дав показания на Н. А. Корнатовского, заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма ЛГУ, своего друга Д. Н. Альшица и других, а, напротив, предупредил Д. Н. Альшица о том, что на него соответствующими органами собираются компрометирующие материалы, и был уволен с работы и исключен из партии без права быть принятым куда-либо по специальности (в декабре 1950 г. из университета, в январе 1952 г. — из ЛОИИ, в феврале 1952 г. — из партии). Д. Н. Альшиц отмечает, что когда по окончании следствия ему предъявили его следственное дело, он прочитал протокол допроса О. А. Ваганова «и убедился, что он решительно отказался давать какие-либо порочащие меня показания и вынудил допрашивавших его сотрудников записать с его слов лестную для меня характеристику» [1, с. 19]. У О. А. Ваганова была сердечная недостаточность и астма из-за перенесенного в юности костного туберкулеза, на тяжелые физические работы он не мог устроиться. Как вспоминал Д. Н. Альшиц, О. А. Ваганов вынужден был жить на средства жены, начал выпивать. Когда дочери Лене было три года, он скоропостижно ушел из жизни. Это случилось в здании Почтамта. Открыв только что купленный свежий номер газеты «Правда», он увидел в нем материалы по новому делу врачей. Ему стало плохо, он упал и умер. «Очередная, столь откровенная и дикая антисемитская акция Сталина и его подручных потрясла его. К тому же, он, надо полагать, — пишет в своей книге Д. Н. Альшиц, — понял, что “дело врачей” означает начало нового витка массового террора» [1, с. 20]. Он был «настоящим русским интеллигентом» [1, с. 20], из тех людей, что не способны на подлость и предательство, даже если это спасло бы им жизнь и даже если об их поступке, плохом или хорошем, никто никогда не узнал бы.

По ходатайству жены Н. А. Казаковой, О. А. Ваганов в 1957 г. посмертно был реабилитирован.

У дочери Лены с рождения был обнаружен порок сердца, видимо, полученный по наследству от папы. Наверно, по наследству от отца и матери досталась и моральная неподкупность.

После смерти отца Лену воспитывали мама и бабушка Мария Дмитриевна Казакова (1877–1963). Они жили на Лермонтовском пр. (д. 8а) в коммунальной квартире

Я запомнила некоторые рассказы Елены Олеговны про ее детство³. Она говорила, что ее нянчила в основном бабушка. Мама была ученым, много работала. В детстве Лена часто болела. У нее был любимый поролоновый мишка, и такие же уколы, как делали ей, она колола своему мишке так, что тот к вечеру был весь напитан водой.

Е. О. Ваганова училась (1956–1966) в средней общеобразовательной школе № 243. Эта школа находилась недалеко от дома Лены на ул. Союза Печатников, д. 1, на Крюковом канале (на месте бывшего Литовского замка) около Торгового моста конца XVIII в. в здании, построенном по проекту архитектора Ноя Троцкого в 1936 г. в стиле конструктивизма. Школа располагалась в самом центре Коломны, в окружении Мариинского театра, Консерватории с памятниками М. И. Глинке и Н. А. Римскому-Корсакову, Синагоги, Никольского собора. Считалась одной из лучших в городе в плане физико-математического образования. Когда строили вторую сцену Мариинского театра, это здание школы, к сожалению, снесли.

Е. О. Ваганова рассказывала, что первый класс у нее прошел под знаком «Трех мушкетеров» А. Дюма, которых она тогда прочла. А ее дочь Маша прочла «Трех мушкетеров» еще до школы. Когда мы приходили к Елене Олеговне домой, Маша как раз смотрела, кажется, тоже «Трех мушкетеров» по телевизору, а потом плакала, что следующая серия будет только на другой день. Елена Олеговна на наш недоуменный вопрос, зачем же плакать, объяснила, что есть люди, которые любят растягивать удовольствие, а есть такие, которые любят все получать сразу. И она сама, и Маша, — заметила тогда Е. О. Ваганова, — именно такие.

Насколько я помню, Е. О. Ваганова говорила, что была старостой класса и заводилой. Могла увести всех одноклассников на интересную выставку в Эрмитаж, спроводировать их на прогулку уроков. Мама ходила в школу, только если ее вызывал директор, а так в школьные дела дочери особенно не вникала. Е. О. Ваганова рассказывала, что их класс был дружный, собирался на ежегодные встречи после окончания школы. Многие из класса эмигрировали. Е. О. Ваганова даже шутила, что встречи класса им теперь нужно проводить за границей.

Лена закончила школу с золотой медалью. Была членом ВЛКСМ с 14 до 28 лет (1963–1977), как и почти вся молодежь в то советское время. Но в партию вступать потом наотрез отказалась. По ее словам, в те времена каждому аспиранту после защиты (чуть ли не в ту же ночь) звонил парторг В. А. Козьмин и настоятельно советовал вступать в партию, в противном случае шансов остаться на факультете не было. Но Елена Олеговна ответила на такое предложение решительным отказом, сославшись на судьбу отца. И ее не посмели заставить.

Но вернемся назад. После школы Лена поступила на Исторический факультет, на кафедру истории искусства (1966–1971), писала курсовые и дипломную работу у Татьяны Петровны Знамеровской (1912–1977) [о Т. П. Знамеровской см.: 36–38, 42–44] — яркой личности, замечательного педагога и крупного отечественного искусствоведа, специалиста по искусству Испании, Италии, Франции XV–XVIII вв. Была рекомендована в целевую аспирантуру, куда поступила тоже к Т. П. Знамеровской (1971–1974). В 1974 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Испанская живопись накануне “Золотого века”». Поскольку свободных ставок на кафедре не было, Т. П. Знамеровская отдала Е. О. Вагановой половину своей ставки и своей нагрузки. Это было собственное решение Т. П. Знамеровской. В ее личном деле в АО СПбГУ сохранилось заявление декану В. А. Ежову, в котором она просит с 1 сентября 1974 г. по собственному желанию перевести ее на 0,5 ставки доцента и половинную учебную нагрузку, «передав освобожденную мною часть нагрузки моей аспирантке Вагановой Е. О.» [26, л. 74]. И дата «14 мая 1974 г.». В обычно безличных заявлениях такого рода так ярко выразившаяся воля Т. П. Знамеровской бросается в глаза!

С 1 сентября 1974 г. Е. О. Ваганова была зачислена на кафедру истории искусства на полставки и половину нагрузки ассистента. В августе 1975 г. у Т. П. Знамеровской умирает ее горячо любимый муж П. С. Чахурский (1910–1975). Она увольняется с кафедры, приняв решение посвятить себя под-

готовке для сдачи в архивы материалов, связанных с ее жизнью и памятью о муже. 4 сентября 1975 г. датировано заявление Е. О. Вагановой декану В. А. Ежову с просьбой перевести ее с 10 сентября 1975 г. на целую ассистентскую нагрузку и целую ассистентскую ставку [22, л. 11].

Е. О. Ваганова читала на кафедре истории искусства курсы по истории западноевропейского искусства Средних веков и эпохи Возрождения, а также курс по истории античного искусства, вела спецсеминар. У нее было 700–750 часов за учебный год так называемых «педпоручений», из них больше 300 часов лекций. Кроме того, например, в 1974/1975 гг. она была куратором IV курса дневного отделения, вела школьный кружок по истории искусства, была представителем общества «Знание» на заводе им. Калинина [22, л. 14]. Имелась дополнительная нагрузка и в последующие годы.

16 сентября 1982 г. Е. О. Ваганова была избрана по конкурсу на должность доцента кафедры истории искусства и переведена на нее с 20 сентября 1982 г. [22, л. 19]. К этому времени, помимо перечисленных курсов, Е. О. Ваганова читала еще курсы по истории искусства Древнего Востока и по музееведению [22, л. 20].

Е. О. Ваганова с детства хорошо знала языки. В школе учила немецкий, занималась им дополнительно с преподавателем Дома Ученых, членом которого была ее мама. Н. А. Казакова, как исследователь по истории Ганзы, хорошо знала немецкий язык, в том числе и в его архаическом варианте, и, видимо, понимая важность этого языка для исторической науки, целенаправленно способствовала его изучению дочерью. Английский, испанский Лена также изучала, «читала и переводила с них», как она указывает в своей анкете в личном деле [22, л. 22]. За границей бывала трижды: в 1970 г. в ГДР во время студенческой ознакомительной практики, в июне 1973 г. в Венгрии (ВНР) по приглашению, в августе 1978 г. снова в ВНР как руководитель студенческой группы. Искусствоведы, которые тогда студентами были на практике вместе с Е. О. Вагановой, говорили, что она бегло говорила на немецком языке.

Елена Олеговна, видимо, знала и предчувствовала, что жизнь ее будет короткой. И хотела успеть пережить то, на что другим отводились судьбой десятилетия. На третьем курсе она вышла замуж за Б. М. Кирикова (род. в 1948), своего однокурсника — ученика Ю. М. Денисова. Это был союз двух искусствоведов со свадьбой во Дворце бракосочетаний, бывшем особняке Варгунина. Публикуя книгу об этом особняке, Б. М. Кириков, ныне известнейший историк архитектуры, украсил издание, поместив в нем фотографию своего бракосочетания с Е. О. Вагановой [24, с. 6]. Б. М. Кириков рассказывал, что вместе с женой они разыскивали в городе здания, построенные Лидвалем, в те времена преданным забвению.

На пятом курсе Е. О. Ваганова ближе познакомилась в Тбилиси с Е. В. Мавлеевым (1948–1995) [о нем: 45], своим однокурсником, историком-античником, за которого впоследствии вышла замуж. Но с Б. М. Кириковым у нее сохранились хорошие отношения, вплоть до того, что на музейную практику она водила студентов к нему в Петропавловку, где он в те годы заведовал сектором архитектуры.

Елена Олеговна считала, что человек должен жить полной жизнью, не жертвуя этой полнотой даже ради науки. Сама она всегда была в курсе личной жизни своих учеников, радовалась их росту не только как исследователей, но и как людей и личностей. Но любила нам повторять, что сама она всегда назначала свидания уже после закрытия Эрмитажной библиотеки, которая в то доброе старое время закрывалась в девять вечера.

Выйдя замуж за Е. В. Мавлеева, Е. О. Ваганова переехала жить к нему на набережную Фонтанки, где у них была комната в коммунальной квартире. Е. О. Вагановой по состоянию здоровья нельзя было рожать. Но она хотела иметь ребенка. И, несмотря на запреты врачей, забеременела и выносила дочь Машу, которая родилась в 1975 г. в роддоме Института им. Д. О. Отта. Помню, Елена Олеговна вспоминала, что, живя в комнате коммунальной квартиры, она после укладывания маленькой дочери вынуждена была запереться в ванной, чтобы читать курсовые работы студентов (Маша в детстве очень

чутко спала и просыпалась даже от перевертывания книжных страниц). А чтобы соседи не мешали — она включала воду, как будто моется. И в какой-то момент задремала. Написанная чернилами курсовая Лиды Ляховой упала в воду, и чернила расплылись. Лиде пришлось потом все переписывать заново. Тогда ведь студенты, если и печатали на пишущей машинке, то только дипломы, а курсовые писали от руки.

Мама Елены Олеговны — Н. А. Казакова, как последняя из докторов наук Института истории Академии наук, остающаяся еще в коммунальной квартире, получила право на строительство кооперативной квартиры и, когда дом был построен, Е. О. Ваганова вместе с мамой, мужем и маленькой дочерью переехала на ул. Композиторов, д. 1. Елена Олеговна говорила, что Евгений Васильевич несколько лет каждые выходные ездил на строительную площадку, участвуя, по требованиям кооператива, в возведении дома.

После своего переезда на Композиторов комнату в коммуналке на набережной Фонтанки Елена Олеговна пообещала вначале иногороднему студенту Игорю Долгову⁴, моему однокурснику, который стал заниматься итальянским Возрождением и вошел в семинар к Е. О. Вагановой, а потом моей однокурснице Маше Платоновой, приехавшей в Ленинград из Уфы, тоже члену семинара, решив, что Игорь как мужчина менее беззащитен. Маша платила за комнату только коммунальные платежи, ни о каких других деньгах и речи не было. Я ходила к Маше в гости и помню эту пустынную комнату, в один угол которой были собраны оставленные после переезда и ставшие ненужными вещи, в том числе большое, если не сказать огромное, количество склеенных из разноцветного картона домиков, на дверях, окнах, ставенках и крылечках которых были написаны их названия по-немецки. Это были игрушки, сделанные родителями для их маленькой дочки, уже изучавшей немецкий.

После смерти Елены Олеговны, когда комнату нужно было освободить, и Маша Платонова попросила меня помочь ей переехать, я приходила туда последний раз. Помню, как лил дождь, Маша куда-то вышла, а я смотрела в окно, как сильные струи дождя бьют по красным кирпичам неоштукатуренного фасада, и думала, что, возможно, еще несколько лет назад у этого окна так же сидела и смотрела в пасмурное ленинградское небо сама Елена Олеговна.

Когда мы были на втором курсе, Елена Олеговна устраивала дочь Машу в школу. Поскольку у девочки был порок сердца, ей не хотели давать нужную справку, маме пришлось платить врачам. Елена Олеговна долго думала, отдать Машу в школу с художественным уклоном (Маша ходила в эрмитажный детский кружок и неплохо рисовала) или в испанскую, в конце концов решила все-таки отдать в языковую школу. Это было не так просто, потому что школа находилась в другом микрорайоне, но Елена Олеговна сумела устроить дочь туда, куда ей хотелось и где, как ей казалось, ребенку будет лучше.

В Личном деле Е. О. Вагановой последним идет Свидетельство о смерти с указанием даты «9 января 1984 г.» и причины смерти — врожденного порока сердца.

Приведенные в этой части статьи материалы касаются в основном того периода биографии Елены Олеговны, который хронологически предшествовал моему поступлению в ЛГУ, и базируются на данных из Личного дела Е. О. Вагановой, хранящегося в Объединенном архиве СПбГУ и на запомнившихся мне рассказах самой Елены Олеговны.

Одна из первых встреч с Еленой Олеговной у нашего курса состоялась, когда она должна была начать читать нам историю искусства Древнего Востока в первом семестре первого курса. Насколько я помню, лекция стояла в субботу, и мы долго ждали преподавателя, стоя около аудитории. На факультете было пустынно, на кафедре никого не было, и мы уже решили, что занятие не состоится. Но нас поймала нем-

ного опоздавшая Елена Олеговна и строго отчитала за нашу попытку уйти, заявив, что она всегда или приходит, или предупреждает, если не придет, третьего не бывает, и студенты ни в коем случае не должны уходить самовольно! Это была неплохая дисциплинарная встряска при нашем самомнении.

Поначалу даже слушать лекции Елены Олеговны было нелегко. В ее речи встречались слова, смысла которых многие из нас, в том числе и я, не понимали, только догадывалась о нем: семантика, иератичность, иконография и другие. Это был серьезный научный язык, которым мы с ее помощью стали постепенно овладевать.

Тогда же у нас начались практические занятия в Эрмитаже на экспозиции Древнего Египта. Я очень гордилась, что худо-бедно ориентируюсь в Эрмитаже. Елена Олеговна возмущалась тем, что кто-то из нашей группы этого не умел делать. Е. О. Ваганова всегда терпеливо выслушивала все студенческие доклады. Только просила одного нашего сокурсника, который теперь уже давно доктор искусствоведения, говорить не «статүя», а «статуя», а «статуя», но он периодически сбивался на старое.

Познакомились мы и с мужем Елены Олеговны — Евгением Васильевичем Мавлеевым, сотрудником античного отдела. Он вел у нас практические занятия на экспозиции античного отдела, а позже после второго курса принял нас с Машей Платоновой и Игорем Долговым на музейную практику и поручил зарисовывать экспонаты с указанием трещин и склеек.

После первого занятия в Эрмитаже (на котором, как нам рассказала потом Елена Олеговна, Евгений Васильевич из-за простуды был с высокой температурой), он сказал жене, что студенты были, но он никого не запомнил. Запомнил только, что была одна очень маленькая студентка (видимо, я) и одна очень высокая (видимо, Маша Платонова). Но зато у наших девчонок была тема для сплетен. Они очень удивлялись, что у такой, как им казалось, не модной, не очень современной и неброской по внешности преподавательницы такой интересный высокий симпатичный муж!

Елена Олеговна читала нам курсы истории искусства Древнего Востока, античного искусства, искусства Средних веков и Возрождения, должна была еще читать музееведение, но не успела. Наряду с лекциями, она же вела у нас практические занятия по перечисленным предметам и руководила после второго курса музейной практикой. На экзаменах вопросы были не из заранее данного списка, какового не предусматривалось, а на умение теоретически мыслить, подкрепляя свои идеи ссылкой на конкретные памятники. Оценки выставлялись одновременно всем студентам группы на сравнительной основе уже после полного окончания экзамена.

Когда Елена Олеговна начала нам чтение Ренессанса, на первой лекции она принесла с кафедры портрет своего учителя Т. П. Знамеровской и именно ей и ее биографии посвятила первое занятие. Это был редкий случай, когда Елена Олеговна не рассказывала, а читала по написанному, объяснив, что это доклад, который она подготовила для какой-то юбилейной конференции. Может, читала и потому, что ей тяжело было говорить, прошло еще не так много лет с года смерти Т. П. Знамеровской. Закончила свой доклад Елена Олеговна воспоминанием о наставлениях Т. П. Знамеровской. Это были слова: «Главное, Лена, любите студентов, и тогда все будет». Мне кажется, что Е. О. Ваганова следовала этому совету всю свою короткую жизнь.

Наряду с прослушиванием курса по Возрождению, конспектированием трудов Б. Р. Виппера и М. Дворжака, мы должны были сделать доклады на экспозиции Эрмитажа. Если по курсу Древнего Востока у нас были единичные произведения, то по курсу Возрождения это уже были теоретические темы, требующие умения формулировать концепцию и доказывать ее на примере ряда эрмитажных произведений. Я по-школьному считала, что дело, главным образом, в заучивании имеющихся произведений и до концепции подняться не сумела. Елена Олеговна так и сказала, что с докладом ничего не вышло, но, желая ободрить, даже приобняла меня за плечи — я, даже при своем провале, была на седьмом небе от этой ласки и поддержки.

В предпоследний год жизни, желая показать дочери море, Елена Олеговна согласилась летом 1982 г. работать в приемной комиссии, чтобы на бархатный сезон поехать в Крым (из-за порока сердца им обоим нельзя было ехать в летнюю жару). Осенью 1982 г. они действительно всей семьей ездили на море в Алушту. Елена Олеговна признавалась, что увидела Черное море первый раз в жизни, и ей не было дела ни до большого количества отдыхающих, ни до отсутствия на пляже свободных мест, настолько ее поразили ширь и величие морского пейзажа.

Е. О. Ваганова делилась с нами впечатлениями от работы в приемной комиссии, от недобросовестности этой структуры, от низкого уровня абитуриентов, хотя про себя говорила, что не скрывает, что поступила «по блату». Она признавалась, что ничего хорошего от вновь набранных студентов не ожидает, хотя через нее и не шли искусствоведы. Каково же было ее удивление, когда оказалось, что 1-й курс славный, там 10 или 11 человек, и все рвутся учиться. Именно для этого курса энтузиастов и В. А. Булкин, и Е. О. Ваганова стали читать по несколько дополнительных пар лекций в неделю. Поскольку все делалось неофициально, это никак не оплачивалось. Но Елена Олеговна при всем своем слабым здоровье имела сильный дух и тоже была энтузиастом своей профессии.

Мой собственный курс неважно сдал Елене Олеговне искусство Средних веков. Она нам поставила зачеты, но была очень расстроена. Мы с Машей Платоновой пообещали, что все доучим и пересдадим. И летом приезжали к ней домой, тянули билеты и пересдавали, не задумываясь, к сожалению, тогда, что отнимаем ее личное время. Она любила желтый цвет, и мы с Машей купили ей тогда в подарок букет ноготков.

Тогда же осенью 1983 г. сильно болела дочь Елены Олеговны. И отпуск на повышение квалификации, который Е. О. Ваганова тогда получила, она потратила на выхаживание Маши, которая, слава Богу, поправилась.

Мы с Машей Платоновой были младшими членами семинара⁵, который вела Елена Олеговна. Маша пришла в семинар чуть раньше (ее привела познакомившаяся с ней Маша Козловская, уже закончившая университет и к этому времени работавшая в Эрмитаже), а позже.

Семинары были старейшей традицией истфака. Они были обязательны на III–IV курсах, но студенты приходили на них раньше и многие ходили еще и после окончания университета. Все понимали, что они учатся не ради «зачетов» и оценок на экзаменах, а ради овладения тайнами профессии, для чего семинар был необходим. Елена Олеговна меня очень подкупала уважительным отношением к студентам, с которыми она общалась как с равными себе, хотя, понятно, что у многих студентов, в том числе и у меня, не было ни морального, ни интеллектуального права на такое равенство.

Когда я решилась и пришла к Елене Олеговне, чтобы спросить, можно ли мне ходить в семинар (достаточно многочисленный уже и без меня), она приняла меня очень благожелательно, как, я понимаю теперь, принимала и всех, к ней обращавшихся, и сразу дала задание подготовить описание памятников, на мой выбор, по трем видам искусства, и посоветовала начать учить испанский, если я действительно хочу заниматься испанским искусством (на тот момент к изучению именно испанского искусства меня подвигло не столько оно само, я его еще знала достаточно слабо, сколько личность Елены Олеговны, которая им занималась). Она предложила мне помочь найти учителя испанского для частных уроков, но советовала не садиться на шею к родителям и попробовать походить на бесплатные группы дополнительного испанского, которые тогда существовали в университете (как и группы дополнительного немецкого, и, видимо, целого ряда других языков). Описания я составила довольно быстро, как и предполагается, осмотрев «на натуре» выбранные произведения, и отдала свои листочки Е. О. Вагановой. Она мне велела подойти через неделю. Я очень переживала, как Елена Олеговна воспримет мои описания и шла забирать их на трясущихся ногах. Поэтому, когда Елена Олеговна, прося извинения, сказала, что не успела их прочесть, я буквально воспряла духом, обрадовавшись, что час возмездия, как мне казалось, отсрочился, и Елена Олеговна еще не поняла мою несостоятельность

и бездарность. Помню, еще несколько раз в том же упадническом настроении я приходила за своими описаниями и возрождалась, услышав, что Елена Олеговна еще не сумела их прочесть, пока она их мне, наконец, не вручила с многочисленными пометками и комментариями и даже со словами поддержки. А ведь все это она совершенно не обязана была делать! Официально я не входила в ее семинар и курсовую у нее не писала. По правилам тех лет на I курсе мы в обязательном порядке писали курсовые по истории партии, а на II курсе — по советскому искусству, Елена Олеговна же руководила только работами по тематике античности, Средних веков и Возрождения, которые можно было начинать писать не раньше III курса. Она занималась со многими, как и со мною, исключительно по собственному почину. А потом таким же образом курировала и наши курсовые второго курса.

На одном из первых семинаров, на которые я попала к Елене Олеговне, доклад об образе Мадонны в архитектурных интерьерах готических соборов делала выпускница предыдущего, 1982 г., Лида Ляхова. Это был доклад по материалам диплома. Видимо, другие участники семинара уже были знакомы с основными его положениями, но Елена Олеговна считала, что для новичков вроде нас с Машей Платоновой послушать стройный, продуманный и логичный Лидин доклад будет очень полезно. После доклада Елена Олеговна у каждого из присутствующих обычно спрашивала его мнение, обращаясь к нему лично. Это мобилизовало, заставляло собраться, думать, стараясь не произносить штампованных фраз.

В семинарах собирались студенты разных курсов, занимающиеся сходными периодами истории искусства. Здесь можно было найти единомышленников, людей, увлеченных сходными с твоими проблемами искусства, вообще тех, кто учился из внутренней потребности. На старших хотелось равняться, тянуло подражать им.

Лидой Ляховой Елена Олеговна гордилась как талантливой ученицей. Ей удалось устроить Лиду на работу в Эрмитаж. Как нам рассказывала Е. О. Ваганова, она потратила несколько лет жизни, пытаясь добиться зачисления Лиды в аспирантуру Эрмитажа, которой Л. Ляхова безусловно заслуживала, но все усилия Елены Олеговны, к сожалению, оказались напрасными. Поступление в аспирантуру требовало более мощной протекции.

Спустя какое-то время после своего доклада по диплому Лида как-то пригласила весь семинар в Эрмитаж в Растреллиевскую галерею на выставку английского средневекового прикладного искусства, по которой она подготовила доклад. Даже такие полноценные научные доклады Елена Олеговна каждого просила оценить. Она оглядывалась назад, выискивала тебя глазами и спрашивала, что конкретно ты думаешь про доклад. Спрятаться было невозможно. Я сначала мычала что-то, стораю от стыда, готовая провалиться сквозь землю.

Интеллектуальным центром семинара был Аркадий Ипполитов, еще один любимый студент Елены Олеговны. Он ходил к Елене Олеговне в школьный кружок, после которого поступить на вечернее отделение факультета ему помогла Маша Козловская, дежурившая на экзамене по русскому и литературе и исправившая ему какие-то запятые в сочинении. Аркаша, как его все называли, занимался итальянским Ренессансом. Елена Олеговна очень ценила его за талант и дар художественного видения. Не раз нам приводила его изречения. Помню, что, когда Е. О. Ваганова, еще до нас, ездила со своим семинаром в Киев, в поезде они играли в придуманную ими же игру «Угадай произведение по его характеристике». Аркаша назвал картину Фьорентино с Мадонной «неклассичной классичностью», поскольку в ней присутствовал классический треугольник, но он в буквальном смысле парил в воздухе. Однажды Аркаша должен был выступить с докладом, но текст выступления забыл дома, и мы всем семинаром сидели и ждали в 66 аудитории, когда он съездит на такси домой и привезет свой доклад. Он жил возле Казанского собора и час ожидания даже доставил всем удовольствие возможностью пообщаться. Доклад был про итальянских кватрочентистов и их ощущение античности. В нем были ссылки на Эрвина Паннофского. Я очень радовалась, что что-то начинаю понимать.

У Аркадия был на моей памяти и еще доклад на временной выставке итальянского рисунка в двенадцатикилометровом зале Эрмитажа, насколько я помню, по рисунку маньеризма, в частности по Цуккари. Когда Елена Олеговна спросила в числе прочих мое мнение, я сказала, что вот у Аркадия доклад по одной итальянской школе, а можно было бы привлечь и еще какие-нибудь школы, на что Елена Олеговна резонно ответила мне: «А зачем?». Помню, что Лида Ляхова про доклад сказала, что это до некоторой степени «холостой выстрел». Но для меня все выступления старших казались совершенно не достигаемой высотой.

Вместе с А. Ипполитовым Елена Олеговна ездила в Москву, выступала на конференции с научным докладом по Пикассо. В последний год жизни Елены Олеговны Аркадий Ипполитов женился на итальянке и готовился уехать в Италию. Семинары были окрашены грустью приближающегося расставания с ним.

Вообще с Аркашей они очень дружили. Рассказывали, что как-то искали вместе подарок для маленькой Маши, даже забредя на Кузнечный рынок. Когда Аркадий должен был уйти из семинара, Маша Козловская, Оля Сажина, Маша Теплова и Лена Кононенко по просьбе Елены Олеговны подготовили для него рукописный альбом с памятливыми фотографиями — его в темном тоне в военной форме перед уходом в армию, и в светлых тонах — Елены Олеговны с Машей, и каждый из членов семинара должен был вписать в альбом какие-то добрые слова. Елена Олеговна рассказывала, что утром перед вручением этого памятного сувенира Аркаше она ехала в метро и еще раз рассматривала альбом. В этот момент к ней пристал какой-то навязчивый пассажир, который стал заглядывать через плечо, нахально спрашивая, не самиздат ли это и не разрешит ли она и ему посмотреть рукопись, на что Елена Олеговна ответила: «Это для другого, дорогого мне человека», — и выскочила из вагона.

Маша Козловская приглашала семинар в Эрмитаж на запомнившийся доклад по временной выставке византийского рельефа.

Очень долго вынашивал свой доклад по Приматиччо Игорь Долгов. Вначале он его сделал на практическом занятии по Возрождению, потом, следуя совету Е. О. Вагановой, его одобрившей, повторил на семинаре. Доклад был очень продуманный, с тонким анализом формальных художественных особенностей картины. Игорь систематически ходил в эрмитажную библиотеку, даже прогуливая нехудожественные лекции, проводил там порою целые дни и много читал. На его место с торца стола даже никто не рисковал садиться, зная, что он там всегда сидит. К слову сказать, Игорь был очень увлеченным студентом. Насколько я помню, его отец был чуть ли не первым секретарем Волгоградского обкома партии, но Игорь порвал с родителями, отслужил в армии, через рабфак поступил на кафедру истории искусства истфака. После окончания университета ему не удалось устроиться на работу по специальности. Какое-то время он работал в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук, занимался творчеством А. П. Платонова. Но прожить на зарплату Пушкинского дома, а тем более прокормить семью, было в то время практически невозможно. Игорь рано ушел из жизни, рано и трагически. Возможно, если бы Елена Олеговна была жива, и у него бы все сложилось бы счастливей.

Были и неудачные доклады. Одна новенькая студентка, выступавшая с докладом по «Св. Себастьяну и Ирине» Риберы почти дословно списала все с монографии Т. П. Знамеровской. Доклад был выслушан, а потом разгромлен и даже не столько самой Еленой Олеговной, сколько Аркашей и другими старшими членами семинара, до глубины души возмущенными таким плагиатом.

Один из докладов делал Е. В. Мавлеев на выставке Лембрука в Эрмитаже. Мне кажется, что это было весной 1983 г. Елена Олеговна сказала нам тогда, что «Женя» хочет изложить свои мысли и размышления о творчестве Лембрука и понимании им скульптурной формы именно семинару, потому что «больше никому». Вообще Елена Олеговна очень гор-

дилась своим мужем. Рассказывала нам, что он закончил одновременно два факультета — исторический и философский (в те времена это было возможно); что, хотя семья у него была простая, рабочая, он, несмотря на тяжелые условия жизни семьи в одной комнате коммунальной квартиры, блестяще выучил древнегреческий; что по вечерам он помогает ей по дому, а ночью работает, выкуривая по несколько пачек сигарет. В большой комнате на Композиторов висел Машин рисунок с изображением Дон Кихота и Санчи Пансы. Елена Олеговна пояснила, что так Маша изобразила своих родителей: маму как Санчо, папу как Дон Кихота. Мимоходом тогда Елена Олеговна заметила, что раз у ребенка больная мать, которая может в любой момент умереть, у него должен быть здоровый отец. Елена Олеговна гордилась, что муж «продвигается по службе» в Эрмитаже, ездит в командировки, привозит им с Машей какие-то заграничные вещи. Она любила повторять, что эта юбка из Норвегии или Германии, но больше не из любви к вещам, а из любви к мужу и гордости за него.

С мужем Елена Олеговна выступала соавтором в курсе по античному искусству, а также в статье о Лаокооне Эль Греко и в монографии по музееведению. В своем докладе после прощания с Еленой Олеговной муж говорил, что и ему совместная жизнь с Е. О. Вагановой и общение с ней, в том числе интеллектуальное и духовное, дало очень много как ученому.

В начале нашего прихода в семинар была выбрана магистральная тема докладов — научное творчество Т. П. Знамеровской (1912–1977) — учителя Е. О. Вагановой. Я и Аня Солохова взяли тему про художественную форму, в связи с чем нам нужно было обратиться к Г. Вельфлину. Елена Олеговна тогда готовилась к внутреннему оппонированию диссертации И. Д. Чечота и увлеклась Г. Вельфлиным, перечитав все его труды заново. Видимо, это был мой первый доклад в семинаре. Я потерпела полное фиаско, но на мое удивление был раскритикован и куда более научный доклад Ани, старосты семинара.

Запомнила я и свой второй доклад — по нидерландским шпалерам уже на III курсе. Семинар начинался в четыре часа в субботу. И после рано закончившихся лекций я пошла в библиотеку Академии художеств. Когда до выхода на истфак осталось 15 минут, у меня начался мандраж. Каждую минуту я смотрела на часы и никогда потом в жизни время для меня не тянулось так медленно, как тогда перед выступлением на семинаре.

Однажды, готовясь к семинару, я что-то обдумывала, и объяснение загадке пришло, когда я садилась в троллейбус и висела на подножке. Потом на семинаре я озвучила эту идею и меня похвалили. Было очень приятно, что мысли постепенно начинают шевелиться в твоей голове.

Из докладов по научному творчеству Т. П. Знамеровской очень хвалили доклад Маши Платоновой по статьям Татьяны Петровны о Леонардо да Винчи.

После семинара мы шли на кафедру пить чай и это были счастливейшие минуты моей жизни. Аркадий Ипполитов заваривал чай по какой-то одному ему ведомой оригинальной методике, мы сидели на старинном продавленном диване и было ощущение наконец найденных друзей, с которыми можно говорить о науке, хотя сама я, как мне кажется, больше молчала, жадно слушая других. Как-то даже ходили в кафе — в подвальчик к Академии художеств. А потом шли все вместе по набережной до остановки автобусов и троллейбусов напротив Академии наук, и, как заметила тогда Аня Солохова, дома на противоположном берегу Невы на Английской набережной казались декорациями.

После смерти Елены Олеговны мы предприняли попытку сохранить семинар. Несколько раз собирались дома у Маши Козловской (где выступала Маша Теплова с докладом о Франсе Хальсе, который все очень хвалили) и Лены Кононенко (где выступали мы с Машей Платоновой с неудачным докладом по скульптуре. И тоже я помню, как мы с Машей дрожали перед выступлением, как не знали, как сократить время до семинара и шли под мокрым снегом до Бухарестской, где жила Лена, пешком от Невского). Но в итоге все заглохло. Не было сердца семинара, его главной движущей силы — самой Елены Олеговны.

Елене Олеговне удалось многих своих выпускников устроить на работу. Я уже писала о Лиде Ляховой. В библиотеку Эрмитажа с помощью Е. О. Вагановой удалось устроиться А. Ипполитову, О. Ошариной, С. Савватееву. Е. Карчеву Е. О. Ваганова устроила в издательство «Аврора». Наташе Алексеевой помогла определиться с местом «служения» искусству. Е. О. Ваганова и после окончания университета не выпускала своих учеников из поля зрения и очень возмущалась, когда однажды она зашла к кому-то из них на работу и увидела, что человек сидит перед совершенно пустым столом. Для нее это был признак духовной деградации, насчет того человека, по счастью, она ошиблась, видимо, просто застав его в неподходящую минуту.

Елена Олеговна перед защитами курсовых и дипломов часто не спала по несколько ночей подряд, потому что студенты приносили ей работы в последние дни и, как она говорила, губили и свое, и ее здоровье. Она ворчала, но все-равно все обязательно прочитывала. Говорила, что и сама такая же, все делает окончательно уже в последний момент. Про свои статьи рассказывала, что может переделывать их до бесконечности, пока силой не заставит себя остановиться и отложить статью.

Елена Олеговна щедро делилась с нами книгами, доставала через мужа зарубежные монографии и каталоги из библиотеки Эрмитажа.

Еще в самом начале нашего знакомства Елена Олеговна пригласила меня к себе на улицу Композиторов. Дома родители меня «потеряли», потому что я просидела в гостях в буквальном смысле слова целый день, придя утром часов в одиннадцать и уйдя уже около семи часов вечера. Елена Олеговна была дома одна с Машей. Она показала квартиру, все комнаты: их с мужем, Машину, мамину. Посетовала, что у нее так никогда и не будет в жизни своей отдельной комнаты (она понимала, что отпущенный ей срок короткий). Расспрашивала обо мне, потом пришла Аня Солохова, нас накормили вкусным обедом, положив полные тарелки картошки с мясом. Елена Олеговна сама готовила и, как мне кажется, даже немножко гордилась этим. Маша по требованию Елены Олеговны, хотя нас это немного смущало, обращалась к нам только на Вы и называла «тетями».

До этого я только по окончании школы бывала у своей классной руководительницы в гостях. И для меня такое хлебосольство и гостеприимство по отношению к студентам было совершенно удивительным.

Потом я привозила домой Елене Олеговне взятые у нее книги. Но застала только ее маму с Машей (домашнего телефона у них не было). Я так растерялась, что ушла вместе с книгами, которые потом привезла еще раз уже мужу Елены Олеговны в Эрмитаж. Мне очень не хотелось, чтобы ей самой пришлось тащить такой груз.

Она ездила от Биржевой площади домой на трамвае, а потом шла пешком до дома около километра. Но трамвай был прямой, хоть его и приходилось подолгу ждать. Елена Олеговна, смеясь, говорила, что в трамвае каждый ведет себя по потребностям: кто-то спит, кто-то читает. Как я понимаю, она сама в основном читала. С трамвая после вечерних лекций ее встречал Евгений Васильевич.

Однажды я зачем-то пришла к Елене Олеговне, но ее мама сказала, что у нее всю ночь была бессонница и теперь она спит, потому что вечером у нее лекции. Вообще Елена Олеговна мучилась от бессонницы. Как-то она даже нам сказала, что если несколько дней бессонница, то потом не встанешь даже на защиту собственной диссертации!

Как-то летом я что-то на кафедру приносила Елене Олеговне или приходила за заданием на лето (узнав, что я еду в Киев, Елена Олеговна дала мне задание выбрать и описать три произведения из Музея западного и восточного искусства, как он тогда назывался). Сама она рассказала, что первый раз поехала в Киев по теме курсовой на третьем курсе, пригласив с собой Ларису Булкину, свою однокурсницу и подругу. Ездил она, чтобы посмотреть в оригинале «Св. Франциска» Моралеса.

В тот раз на кафедре у Елены Олеговны мы снова встретились с Аней Солоховой, которая пришла проконсультироваться о своей студенческой поездке в Венгрию, где Елена Олеговна тоже была. Я осталась слушать. Елена Олеговна

рассказывала, что вместе с ними в ВНР (Венгерскую Народную Республику) ездили студенты-историки, которые экономили даже на туалете, желая купить импортные товары. Искусствоведы же со своим руководителем не жалели денег, как говорится, ни на туалеты, ни на музеи. Елена Олеговна рассказывала, как они звездной ночью сидели на древнеримской дороге, сложенной из больших булыжников, и как ей представлялось, что она в Испании, где тоже римлянами были выстроены такие дороги. К сожалению, побывать в Испании, которой она всю жизнь занималась, ей так и не довелось. Когда мы уходили с кафедры, зашли в буфет, тогда располагавшийся на втором этаже перед лекторием, и Елена Олеговна угостила нас кофе с печеньем, не слушая от нас никаких возражений.

Уже в последний год перед смертью складывалось впечатление, что Елена Олеговна знает, что умрет. Отец ее ушел из жизни в 36 лет. Когда она рассказывала о походе к отоларингологу, пугавшему ее тем, что, если она не примет меры, то через год потеряет голос, она, смеясь, сказала, что ей это не страшно: к этому времени ее уже не будет на свете. У меня все внутри перевернулось, я уверяла себя, что ослышалась или неправильно поняла смысл произнесенной фразы.

Но в этот последний год она и сама выступала на семинаре с докладом. Накануне ноябрьских праздников истфак должны были рано закрыть, и мы собрались на 9 линии Васильевского острова в комнате коммуналки у Славы Савватеева, тоже уже закончившего университет ученика Елены Олеговны, и Елена Олеговна читала свой доклад. Я тогда «испытывала» себя и спала по 4-5 часов в сутки, в результате на докладе клевала носом и мало что поняла. Мне кажется, что он был по испанским трактатам по искусству. Теперь остается только кусать локти. В этот последний год Е. О. Ваганова успела завершить рукопись книги о Мурильо, о чем мы узнали уже после ее смерти, когда рукопись нам дал почитать Е. В. Мавлеев.

Кроме порока сердца у Елены Олеговны был диабет, и она всегда носила с собой сладкий чай и что-нибудь сладкое. Я помню, как во время защит курсовых II курса Елены Олеговны стало плохо, она позвала меня, чем я была необычайно горда, дала деньги и попросила в буфете купить что-нибудь сладкое. Я сбежала в буфет, купила, принесла на кафедру. Она уже сидела и пила сладкий чай, который ей помогал во время приступов. В. А. Булкин как-то скептически к этому отнесся, сказав, что нужно было запастись сладкое заранее. Но Елена Олеговна ответила, что запасла, да уже съела.

Е. Кононенко и О. Сажина рассказывали, что во время поездок с семинаром в Киев и во Львов Елена Олеговна их с юмором назначала ответственными за бутылочку со сладким чаем, который они давали ей в случае приступа.

Вообще же Е. О. Ваганова много говорила про свои болезни, часто смеясь. Даже складывалось впечатление, что она гордится ими. Во всяком случае, она их не стеснялась и умела смотреть на них немного как бы со стороны.

В последний год жизни Елены Олеговны что-то в ней изменилось. С ее отпуском по повышению квалификации семинар несколько месяцев не собирался. Елена Олеговна была грустной. Да и мы на третьем курсе уже меньше с ней встречались, прослушав у нее все основные курсы. Что-то раскалывалось в ее жизни. Елена Олеговна переживала, что муж в конце концов не выдержит жизни с больной женой, и уйдет.

Может, ее мучили какие-то предчувствия? Может, она не жалела себя, работая над «Мурильо»?

После смерти Елены Олеговны Е. В. Мавлеев давал нам читать рукопись написанной Е. О. Вагановой книги «Мурильо». Для нас было удивительно, что при своей загруженности лекциями, домашними делами, семьей она написала такой серьезный фундаментальный труд. Если многие ее предыдущие публикации вытекали из текста ее кандидатской диссертации, влетались в него, то «Мурильо» был совершенно новой работой очень высокого уровня.

Когда я после смерти Е. О. Вагановой читала ее «Мурильо», я находила в книге, как мне казалось, много сокровенных мыслей и переживаний Елены Олеговны. Жизнь и творчество Б. Э. Мурильо, которому Е. О. Ваганова посвятила

монографию, написанную ею в последние годы жизни, она увидела через призму не только культуры и истории Испании, но и через призму своей собственной жизни. Вот как она пишет о прототипе Дона Хуана — Мигуэле Маньяре: «В биографии Маньяры имелась одна частность, которая и создает особые отношения между этим человеком и смертью. Когда ему было три года, умирает его сестра одиннадцати лет, затем в течение месяца — два брата. Поэтому вполне возможно, что пробуждение в нем Дон-Хуана было лишь жадной скореее все получить, то есть способом бегства от смерти» [20, с. 168–169]. Вспомним, что сама Елена Олеговна в три года потеряла скоростно ушедшего из жизни отца.

Вот она пишет: «Мурильо не был рожден борцом, как Рибера, и не смог стать философом, как Веласкес. Став великим живописцем, он остался обыкновенным человеком. Поэтому ударам судьбы он мог предоставить только внутренний мир рядового испанца» [20, с. 156]. Елена Олеговна тоже не была рождена борцом или философом. Да, она была талантливым ученым, но при этом и незащитной женщиной. Будучи очень умным человеком, она не была защищена никакой броней от несчастий этого мира. В «Мурильо» она отмечает: «Внутренняя эмоциональная жизнь художника подчинилась ритмам семейного бытия» [20, с. 144]. Может, и у нее было также? Или: «А работа была единственным средством, которое позволяло не думать и все забыть на то время, пока работаешь» [20, с. 156]. Так может писать только человек, много переживший и испытывавший в жизни. Вот она замечает: «Они [несчастия], как импульс, ударяющий в творца, исторгали из него его творения» [19, с. 190]⁶. Вообще «Мурильо» построен на показе зависимости самочувствия живописца от его личной, семейной жизни. Пока жена жива, он счастлив. Но вот жена умирает. «Здание благополучия, которое возвел удачливый художник, — пишет Е. О. Ваганова, — лишилось основания, повисло в воздухе, а следовательно неминуемо должно было упасть и рассыпаться. Но этого не происходит. Вернее, совершается так, что с первого взгляда не рассмотришь. Оно разрушается крайне своеобразно, изнутри. ...Значит, не было трагедии? Ответить на такой вопрос мы можем только с помощью анализа творчества художника, потому что подобные вещи обычно в документах не фиксируются, а надежды на исповедь Мурильо нет никакой» [20, с. 145]. К сожалению, действительно, в документах фиксируются какие-то видимые миру факты. Все скрытое так для многих и остается скрытым. Как у А. П. Чехова в «Дяде Ване» герой подходит к карте мира. У него от душевной боли раскалывается сердце. Но он только произносит рядовую фразу: «А в Африке сейчас жарко, должно быть». В «Мурильо» Елена Олеговна пишет: «...трагедия Мурильо разделяется на акты. Первый из них занимает 1664–1665 годы, когда трещины потрясенного здания разбегаются в разные стороны. Особенно важно понять, как от своего первого состояния, которое можно назвать отчаянием, Мурильо приходит к следующему, «консервирующему» его с 1665 года на целых семнадцать лет жизни» [20, с. 146]. Смогла ли сама Елена Олеговна пережить первое состояние отчаяния или для ее сердца и этого оказалось слишком много? Про Мурильо она замечает, что «...»ожидание» как самоопределятель жизненной позиции в 1670-е годы приобретает откровенно пессимистическое звучание...» [20, с. 181]. «1670-е гг. уже знают Мурильо успокоившимся, сумевшим приглушить душевную боль работой. ...Оно [новое видение художником жизни] утрачивает легкость, в нем исчезают нотки юмора, устранивается ирония. Но желание понять не умирает. Вот почему параллельно мрачным тонам..., протекает процесс, возрождаю-

щий к новой жизни, во многом ущербной, но не позволяющей умереть» [20, с. 199]. Он находит возможность отвлечься в работе: «...сколько важна для Мурильо была работа, работа ради самой работы» [20, с. 204], — утверждает автор монографии.

Не про себя ли она думала, когда в «Мурильо» писала о Грасиане: «...его интеллектуальная сила достигала такого напряжения, что от нее часто веяло холодом одиночества» [20, с. 150]?

Про систему декорации церкви для братства Каридад в Севилье, разработанной Маньярой, Е. О. Ваганова пишет: «это ...момент, показывающий полную эрозию в условиях второй половины XVII в. испанского стоицизма: не борьба со страхом перед смертью, но раскрытие ей своих объятий» [20, с. 171].

Перед самым Новым годом мы должны были встретиться на семинаре в Эрмитаже на Малом подъезде. Но накануне староста Аня Солохова предупредила нас, что Елена Олеговна заболела, и встреча не состоится. А 9 января позволили и сказали, что Елена Олеговна умерла — не выдержало сердце.

На похоронах было очень много народу. От семинара вышли Аня Солохова и Оля Сажина. Аня от слез не смогла говорить, а Оля овладела собой и произнесла слова, которые я запомнила почти дословно. Оля Сажина сказала: «Мы жили до сих пор нашими семинарскими субботами и жизнь имела смысл, а теперь семинаров больше не будет, жизнь теряет свой смысл, мы не знаем, как мы теперь будем жить без Елены Олеговны». Это было удивительно верно.

После прощания в крематории муж Елены Олеговны поехал с семинаром. Мы снова, теперь без Учителя, собрались у Славы Савватеева. Е. В. Мавлеев прочел прощальный научный доклад о Елене Олеговне. В своем докладе он говорил, что для самой Елены Олеговны ее семинар значил очень много. Потом он ушел, чтобы помянуть Елену Олеговну с родными, а мы остались...

Я сама пережила кризис после смерти Елены Олеговны. Все, что мы делали, было нужно ей, она радовалась нашим успехам и огорчалась, если у нас что-то не получалось. Мы жили для нее. С ее уходом жизнь потеряла свои краски. Нам нужно было учиться жить без нее. Это было непросто.

Мы долго ежегодно, вначале в день смерти и в день рождения, потом только в день рождения ходили на Серафимовское кладбище, где похоронена Елена Олеговна, говорили о жизни, о ее ценностях. Эти походы духовно обогащали нас. Как будто аура могилы позволяла высказываться начистоту, откровенно, и открывать свои собственные мысли, как нас и учила Е. О. Ваганова. Мой собственный рост как исследователя начался именно с семинара. В школе я училась не столько думать, сколько запоминать, понимать и усваивать. Именно на семинаре в меня вдохнули веру в то, что я личность и должна и обязана думать самостоятельно. Этим я обязана Елене Олеговне.

Елена Олеговна была ярким, щедрым, мужественным, жизнелюбивым человеком. За такую короткую жизнь всего в 34 года ей удалось сделать очень много не только на научном поприще, но и на педагогическом, в личной жизни, для родных!

Большое спасибо ей за ее бескорыстие и доброту!

Остается у нас и вина перед Машей Мавлеевой. Никто из нас не задумывался, что жизнь Учителя будет такой короткой, и мы бездумно расходовали бесценное время, отпущенное ей судьбой. А ведь это время должно было принадлежать прежде всего Маше!

Примечания:

¹ Монография «Художественные музеи в истории мировой культуры» (изд-во Изобразительное искусство, сведения за 1982 г., указано, что сдано в печать. 22 п.л. в соавторстве с Мавлеевым Е. В.) и альбом со вступительной статьей о творчестве Мурильо (Серия Мастера мировой живописи 1 п. л. статья, изд-во Аврора) [22, л. 20, 24–26].

² Список студентов, защищавших дипломные работы под руководством Е. О. Вагановой (список составлен на основе списка дипломников кафедры истории искусства из книги М. Ю. Евсеева «Ключевые слова» [25, с. 291–438], в скобках приведены новые фамилии, если они менялись):

1. Алексеева (Бондарева) Наталья Александровна
2. Варданын (Смирнова) Галина Анатольевна
3. Галеева (Ляненко) Виолетта Николаевна
4. Денисенко (Цокур) Ольга Евгеньевна
5. Ипполитов Аркадий Викторович
6. Карчева Елена Ивановна
7. Кононенко Елена Алексеевна
8. Кулбашева Галлия Касымовна
9. Латкина Наталья М.
10. Логачева Елена Валерьевна
11. Ляхова Лидия Владимировна
12. Теплова (Макогонова) Мария Леонидовна
13. Мокина Татьяна Михайловна
14. Никифорова Ирина Сергеевна
15. Орлова Ирина Николаевна
16. Ошарина Ольга Владимировна
17. Савватеев Святослав Константинович
18. Сажина (Кицул) Ольга Валерьевна
19. Солохова (Трофимова) Анна Алексеевна
20. Турова Екатерина Алексеевна
21. Шагиахметова Роза Халимовна

³ Я благодарна О. В. Ошариной за сохранившиеся в ее памяти многие детали рассказов Е. О. Вагановой.

⁴ Игорь Иванович Долгов (1960–2005) — в студенческие годы занимался итальянским Ренессансом, по окончании университета работал в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН.

⁵ Семинарами по университетской традиции назывались группы студентов, в научном плане курируемых тем или иным преподавателем, а также сами семинарские занятия.

⁶ В тексте изданной книги эта фраза, откорректированная редакцией, звучит немного иначе, менее остро: «О Мурильо мы информированы несравненно хуже, чем, скажем, о Лопе де Вега, который познал много несчастий, заставлявших его реагировать на них своими драматическими произведениями. Что-то очень похожее происходит и с Мурильо» [20, с. 146].

Список литературы:

1. Аль Д. Хорошо посидели! СПб: Нестор-История, 2010. 384 с.
2. Ваганов О. А. Биография. URL: <http://www.spbiiiran.nw.ru/vaganov-o-a/> (дата обращения: 03.05.2019).
3. Ваганова Е. О. Основные направления развития испанского портрета во второй половине XVI в. // Тезисы докладов на XXXIII студенческой научной конференции, посвященной 50-летию установления советской власти в Грузии и образования коммунистической партии Грузии. Тбилиси, 1971.
4. Ваганова Е. О. Испанская живопись накануне «Золотого века»: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ленинград, 1974. 22 с.
5. Ваганова Е. О. Испанская живопись накануне «Золотого века»: дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1974. 8 п. л.
6. Ваганова Е. О. К вопросу о развитии живописи в Толедо на рубеже XVI–XVII вв. // Вестник Ленинградского университета. Серия 1: История, язык, литература. 1974. № 2. С. 67–74.
7. Ваганова Е. О. Роль и место бодегонов в становлении испанского реалистического искусства «Золотого века» // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. 1975. Вып. 1. С. 27–42.
8. Ваганова Е. О. Византийские художественные традиции в творчестве Эль Греко (Обзор литературы и постановка проблемы) // Византийский временник. 1976. Т. 37. С. 235–246.
9. Ваганова Е. О.; Знамеровская Т. П. Новые книги о Веласкесе // Книжное обозрение. 1977, 16 сентября.
10. Ваганова Е. О. Новое о Веласкесе // Искусство. 1978. № 6. С. 69–70.
11. Ваганова Е. О. Проблема испанского Возрождения в современной историографии // Проблемы историографии и источниковедения отечественной и всеобщей истории / под ред. В. А. Ежова. Вып. 4. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1978. С. 171–176.
12. Ваганова Е. О. Ренессанс и контрреформация в испанской культуре XVI в. // Культура эпохи Возрождения и Реформация / под ред. В. И. Рутенбурга. Л.: Наука, 1981. С. 243–249.
13. Ваганова Е. О. (участие в подготовке издания). Знамеровская Т. П. Хусепе Рибера. М.: Изобразительное искусство, 1981. 240 с.
14. Ваганова Е. О. Советское искусствознание об испанской живописи эпохи расцвета // Проблемы искусствознания и художественной критики. Межвузовский сб. Вып. 2 / под ред. Т. В. Ильиной, Н. Н. Калитиной, В. А. Суловой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. С. 37–50.
15. Ваганова Е. О. О возможностях комплексного изучения литературы и живописи Испании эпохи Возрождения // Культура народов Пиренейского полуострова / под ред. Г. В. Степанова. Л.: Наука, 1983. С. 37–44.
16. Ваганова Е. О., Мавлеев Е. В. Древнегреческая мифология и испанская живопись эпохи Возрождения // Античное наследие в культуре Возрождения / под ред. В. И. Рутенбурга. М.: Наука, 1984. С. 262–272.
17. Ваганова Е. О. Романизм в испанской живописи эпохи Возрождения // Сервантесовские чтения / под ред. Г. В. Степанова. Л.: Наука, 1985. С. 19–27.
18. Ваганова Е. О. Понятие «натуры» у Франсиско Пачеко и в испанской живописи XVII в. // Кальдерон и мировая культура. Л., 1986. С. 198–206.
19. Ваганова Е. О. Мурильо. Рукопись (из личного архива семьи Е. О. Вагановой).
20. Ваганова Е. О. Мурильо и его время. М., 1988.
21. Ваганова Е. О. Устойчивые черты испанской культуры по Рамону Менендесу Пидалью и испанская живопись нового и новейшего времени // Iberica. Л., 1989. С. 17–25.

22. Ваганова Е. О. Личное дело // АО СПбГУ. Ф. 1. Св. 39. Д. №15. Л. 20–26.
23. Дмитриев Л. А., Дробленкова Н. Ф., Лурье Я. С. Казакова Н. А. Некролог // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1988. Т. 41. С. 452. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Sov7s5fx13U%3D&tabid=2287> (дата обращения 05.01.2020).
24. Дубин А. С., Кириков Б. М. Особняк Варгунина. Санкт-Петербург: «БЕЛОЕ И ЧЕРНОЕ», 1997. 160 с.
25. Евсеев М. Ю. Ключевые слова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2015. 440 с.
26. Знамеровская Т. П. Личное дело // АО СПбГУ Ф. 1. Св. 11. №299 (1565).
27. Казакова Н. А. Биография // Сайт «Биографика СПбГУ». URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1476-kazakova-natal-ya-aleksandrovna.html> (дата обращения 05.01.2020).
28. Казакова Н. А. Биография. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=1998> (дата обращения 05.01.2020).
29. Казакова Н. А. Некролог // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 41. Л., 1988. С. 451–452. URL: <http://odrl.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Sov7s5fx13U%3D&tabid=2287> (дата обращения 05.01.2020).
30. Казакова Н. А. Список трудов / сост. А. Л. Хорошкевич, В. Ф. Андреев // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. № 3 (13). С. 239–244.
31. Казакова Н. А. Европейской страны короли // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.
32. Казакова Н. А.; Катушкина Л. Г. Тайна русского посла // Комсомольская правда. 1969, 1 февраля. С. 420–421.
33. Казакова Н. А. Известия русских летописей о Западной Европе XV–начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. 1978. Сб. IX. С. 195–222.
34. Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков: Из истории международных культурных связей. Л., 1980. 278 с.
35. Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию, Испанию в 1672–1674 гг. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 39. 1980. С. 348–364.
36. Калитина Н. Н., Морозова А. В. Традиция изучения истории искусства Испании старого времени на кафедре истории западно-европейского искусства // Университетский историк: Альманах. 2012. Вып. 11. С. 4–7.
37. Морозова А. В. Творческая биография в современной историографии испанского искусства Золотого века // Актуальные проблемы историографии всеобщей истории: межвузовский сборник научных трудов / под ред. С. М. Стецкевича. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 1990. С. 10–16.
38. Морозова А. В. Е. О. Ваганова и Т. П. Знамеровская как исследователи испанского искусства // Iberica: к 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот». СПб.: Наука, 2005. С. 226–234.
39. Морозова А. В. Отечественная искусствоведческая испанистика (1964–1985) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. 2013. Вып. 2. С. 115–126.
40. Морозова А. В. Отечественное искусствоведение и испанистика после 1985 года // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 24 (710). Серия: Языкознание. С. 382–400. URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest-2014/Vest-710z.pdf>
41. Morozova A. The Stages in the Development of Art Studies in Russia and the History of Spanish Art // SGEM Conference on Arts, Performing Arts, Architecture and Design. Conference proceedings. 1-10 September 2014. Albena, Bulgaria. Albena, 2014. P. 87–93.
42. Morozova A. V. T. P. Znamerovskaya as the Spanish art researcher: the influence of the epoch and research objectiveness // 3rd International Multidisciplinary scientific conference on Social Sciences and Arts. 6-9 april, 2016. SGEM 2016 : Conference Proceedings. Book 4 : Arts, Performing Arts, Architecture and Design. Vol. 1 : History of Arts. Contemporary Arts. performing and Visual Arts. Albena, 2016. P. 83–88.
43. Морозова А. В. Отечественная искусствоведческая испанистика. Становление и развитие. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 352 с.
44. Селиванов В. В., Мартыненко В. П., Солина Т. В. Памяти Т. П. Знамеровской // Итальянский сборник. 2007. № 10. С. 235–246.
45. Сфинкс, или мифология бытия / под ред. Л. И. Акимовой. М.: ООО «Издательский центр «Полет Джонатана», 2012. 800 с.

Евсевьев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский Государственный университет. Россия, Санкт Петербург, Университетская набережная, 7–9. 199034. mjuevseyev@mail.ru

Evseyev, Mikhail Iurievich, PhD in History, associate professor, Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation. mjuevseyev@mail.ru

КАФЕДРАЛЬНАЯ, И НЕ ТОЛЬКО ХРОНИКА ВРЕМЕН ЕЛЕНЫ ВАГАНОВОЙ

CHRONICLE OF THE TIME OF ELENA VAGANOVA: DEPARTMENT OF ARTS HISTORY AND MORE

Лена родилась в 1949 году. Какие ассоциации этот год может вызвать у молодого человека сегодня? Мой ассоциативный ряд непременно начинался бы с «Ленинградского дела», «1984» Дж. Оруэлла и разгрома науки. Времена, конечно, не выбирают, а есть ли выбор? Я тоже родился не во «времена Тициана»: 1938 год прежде «Будущих летчиков» А. А. Дейнеки вызывает в памяти процесс «правотроцкистского блока» и аншлюс Австрии.

Когда Лена начала «гостить» на Земле, я был уже третьим калачом: ежедневно, надев куртку, сшитую из перелицованного пальто погибшего в блокадном Ленинграде деда Ивана Осиповича Лохматова, и пристроив на плечо сумку от противогАЗа, используемую в качестве портфеля, я направлялся в 5-й класс 222-й мужской средней школы (бывшей Петришуле) на Малой Конюшенной, которая называлась тогда улицей Софьи Перовской. Позади было немало. Фонтан Тома де Томона в сквере на площади перед западным фасадом Казанского собора — единственное воспоминание о довоенном Ленинграде. До войны он функционировал, и зрелище свирепо несущегося потока воды, устрашающе вырывающегося изо рта опасного лохматого существа, очевидно, произвело неизгладимое впечатление на сознание трехлетнего мальчика. А вот эвакуация из Ленинграда в августе 1941 г. на поезде, который бомбили, о чем рассказывала мама Евгения Ивановна, не сохранилась в памяти совершенно. Жизнь в Казани. Башня Сююмбике, с которой, якобы, можно увидеть Ленинград. Озеро Кабан. Шалости военного времени. Татарская глубинка. Деревня Аверьяновка, зима, страшные волки. Ранение и военный госпиталь в Казани. Смутное возвращение в Ленинград весной (апрель–май) 1944 г. Детский сад. Школа. Роль Зайца в школьном театре. Похороны А. А. Жданова. Лето 1950 г. на острове Западный Березовый (Tiurinsaari).

Когда Лене исполнилось 3 года, я поступил в Ленинградское арктическое училище Главсевморпути, а когда она пошла в школу — закончил его и отправился на полугодовую стажировку на Северный флот.

За десять ее школьных лет я начал работать в Полярной гидрографии, принял участие в нескольких, как их называли, «высокоширотных» экспедициях, сначала в Западный сектор Арктики (Новая Земля, Диксон, о. Шокальского, о. Воронина, о. Уединения, архипелаг Нерденшельда, Таймыр), а потом в Центральный сектор (Тикси, дельта Лены, Буор-Хая, Чокурдах). Поучился в школе танцев Арнольди, один семестр в Технологическом институте, сдал экзамены в Институт киноинженеров, но, слава богу, не был принят туда из-за того, что находился в очередной экспедиции. Определился окончательно с дальнейшим образованием: в 1961 г. сдал вступительные экзамены и был принят на 1-й курс вечернего отделения кафедры истории

искусства Ленинградского университета (Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени государственного университета имени А. А. Жданова или ЛГУ, так это называлось). Поступив в университет, уволился из Главсевморпути и год проработал в Эрмитаже, поскольку собирался заниматься французским импрессионизмом и хотел отсмотреть все, что было в ГЭ. Потом нужда заставила вернуться на прежнюю работу, но моя дочь, родившаяся осенью 1961 г., заменила меня — и с 16 лет по сию пору работает в Эрмитаже.

Десять лет прошли, и в 1966 г. Лена стала студенткой нашей альма-матер. Таким образом, мы с ней оказались не только современниками, но и в течение 1966/1967 учебного года — студентами одной кафедры.

Конечно, мы не были знакомы. Первокурсница дневного отделения и студент 5-го курса вечернего отделения едва ли могли пересечься каким-то образом... А в 1967 г., с середины февраля до середины июня, я занимался дипломным исследованием. По 15 часов в день. За неделю до защиты принес перепечатанный и переплетенныйopus своему научному руководителю М. О. Малышеву.

Работа, видимо, вышла неплохая, и Малышев отправил ее на Всесоюзный конкурс студенческих работ по общественным наукам. В первом городском туре ей присудили диплом II степени. И отправили на второй, Республиканский тур. Рассчитывать на что-то особенно не приходилось: как писали газеты, участие в конференции приняли более 120 000 вузовских питомцев. Даже исторический факультет ЛГУ представил не менее двух работ: вторая (или первая) была коллективная — от кафедры истории КПСС.

Тем неожиданнее стало известие о том, что именно работе кафедры истории искусства был присужден диплом I степени, и она вошла в число победивших во втором туре. Кто-то потом рассказал мне, что в коридоре истфака висел, как сказали бы сегодня, баннер «Приветствуем выпускника нашего факультета имярек, победителя Республиканского конкурса!». Всего победителей в разных направлениях общественных наук было человек шестьдесят (и примерно столько присутствовало на заключительном акте конкурса). Я уже не был студентом и не знал никаких подробностей. Я знал только, что работу послали на конкурс, но ничего не ведал ни о первом туре, городском, ни о втором, Республиканском, ни о победе.

Защитив диплом летом 1967 г., я де-юре оставался сотрудником гидрографических экспедиций Полярной гидрографии, где проработал 9 лет, и где давно подшучивали над моим увлечением историей искусства. Гордость не позволила мне сказать, что отучившись 6 лет в университете, я не могу рассчитывать на работу по новой специальности. С другой стороны, я

не хотел заниматься делом, исчерпавшим себя, тем более, что почувствовал себя историком искусства. И я уволился в никуда.

Поработал летом две недели групповодом экскурсионного междугороднего бюро, увидел, что это мелочь, и остался совсем без работы.

Попробовал устроиться в государственный архив, где мог бы заняться историографией раннего периода советского искусства, но вакансии не было. А работа была нужна, любая, и я согласился с предложением Игоря Харламова, товарища по университетской группе (который тоже был без работы), занять вакантный пост грузчика на Ленинградском ликеро-водочном заводе. И проработал там полтора месяца, которые вспоминаю с нежностью. Это была настоящая мужская работа в полную силу. Я избавился от невралгий и неврозов, заработанных многолетним дефицитом физических нагрузок. И наконец, у меня была очень приличная зарплата, которой не нужно было стыдиться. Правда, мой товарищ и я не употребляли алкоголь, поэтому были все время «под подозрением».

Осенью появилась вакансия в ЦГАОРЛ, мне позвонили, и я устроился туда на грошовую зарплату сотрудником отдела научно-справочного аппарата, но почти сразу стараниями незабываемой Розалии Владимировны Серднак, выпускницы нашей кафедры 1950 г. [8, с. 297], был переведен в штат «элитного» — публикаторского — отдела, которым она заведовала.

Так или иначе, с лета 1967 г., когда Лена Ваганова закончила первый курс и уже определилась с научным руководителем — Т. П. Знамеровской — до осени 1968 г. я был совершенно оторван от кафедры. В начале октября вдруг позвонил Валентин Александрович Булкин и довольно невнятно сказал, что в Москве 7 октября будет какое-то торжественное событие (действие), и меня просят приехать. Одним из организаторов «действия» он назвал ЦК комсомола. Почему позвонил В. А. Булкин? Скорее всего, в 1968 г. он уже мог быть аспирантом М. К. Каргера. Значит, Колю Иванова, тоже нашего выпускника [8, с. 310], считавшегося наследником Михаила Константиновича, *повязали* в тот момент, иначе аспирантская вакансия не могла бы открыться. Значит, Булкин мог звонить как лаборант (секретарь) кафедры.

Я смутно понимал, что это как-то связано с конкурсом студенческих работ. Нужно было ехать. Денег на поездку не было. Тогда почти ни у кого не было денег. Не было смокинга. Был один свитер и одно пальто. Я занял 30 рублей, купил билет до Москвы и 5 октября отправился.

Приехав утром, как всегда в те годы, в Москву, я нашел ближайший киоск «Моссправки» и за 5 (или 20) копеек узнал адрес ЦК комсомола. Помню, что было воскресенье, значит — 6-е. Классическое «бабье лето», тепло, осенняя листва, полупустые улицы. Болгарские помидоры в изобилии на лотках.

В Москве я бывал только проездом («пролетом») в центральный и восточный секторы Арктики вместе с экспедиционным отрядом. Однако не затруднился с поиском Покровки и Маросейки (тогда улица Богдана Хмельницкого) и легко добрался до ЦК комсомола (скорее всего, пешком). Несмотря на выходной день в здании оказалось довольно много мужчин (не помню, чтобы были женщины), я бы сказал «старшего комсомольского возраста». Они без труда нашли мое имя в каких-то списках, написали направление в ведомственную гостиницу ЦК комсомола «Юность» (рядом с Лужниками), снабдили пригласительным билетом на «Пленарное заседание научной студенческой конференции вузов РСФСР по итогам II (Республиканского) тура Всесоюзного конкурса студенческих работ» по общественным наукам. Возможно, были еще талоны на питание, в чем я, впрочем, не уверен. Порядок заседания включал «доклад об итогах», выступления и «вручение дипломов и памятных подарков победителям конкурса».

Все было как в повестке и даже интереснее. Как «победитель II тура» конкурса (III тура не было; видимо, это оказалось непосильной задачей даже для гигантских научных возможностей СССР; ведь на II тур, как говорилось, было подано более 120 000 работ) я получил диплом первой степени, подписанный министром высшего и среднего специального образования РСФСР; последнюю модель мужских наручных часов «Poljot», которые какая-то девушка, оказавшаяся по соседству, пыталась

обменять на женские, и самое главное — рекомендацию Комитета конкурса в аспирантуру ЛГУ с «целевым назначением для университета». Кроме того, в заключение торжественного заседания нам приготовили особый подарок — премьерный показ фильма Евгения Карелова «Служили два товарища» с Олегом Янковским, Роланом Быковым, Анатолием Папановым, Владимиром Высоцким, Аллой Демидовой, Ией Савиной.

Во время заседания, в тот момент, когда мне вручали диплом, и прозвучало мое имя, случайно выяснилось, что я сижу рядом с человеком, который рецензировал мою работу (жаль, что не узнал его имени). Он тут же дал ей очень лестную оценку и высказал мнение, что она должна быть опубликована. Я был не против. По возвращении в Ленинград директор архива мягко пожурила меня за то, что я уехал, никого не предупредив, но не скрыла своего удовлетворения. Коллеги меня поздравили. М. О. Малышев, мой научный руководитель, был доволен. Однако услышав об аспирантуре «с целевым назначением», сказал, что если я поступлю в такую аспирантуру, то через три года кто-то из преподавателей кафедры должен будет освободить мне место. Я не хотел, чтобы из-за меня кто-то увольнялся, и сказал, что, в таком случае, поступать не стану. Кроме того, мое желание и ощущение необходимости работать с источниками в тот момент превышало все другие профессиональные амбиции. За шесть лет работы в ЦГАОРЛе я набрался опыта и знаний, которые оказались невозможно реализовать за десятилетия. В 1973 г. М. О. Малышев уже сам позвал меня в аспирантуру, я согласился, понимая, что вряд ли еще представится такая возможность, сдал кандидатские экзамены по иностранному языку и философии, экзамен же по истории искусства мною был сдан еще в конце 1960-х гг. М. К. Каргеру, В. Я. Бродскому и М. О. Малышеву в рамках оформленного тогда соискательства.

Не могу не упомянуть любопытную подробность поступления в аспирантуру. Заполняя анкету с реквизитами, параметрами, сведениями о происхождении, образовании, я в раздел «родители» вместо имени отца, который существовал, но не растил и не воспитывал меня, вписал имя своего отчима Владимира Александровича Ровинского (потомка довольно известного дворянского рода). Начертание фамилии показалось подозрительным кадровикам, этих подозрений оказалось достаточно, чтобы прохождение в аспирантуру застопорилось. Мне посоветовали вписать имя биологического отца, и все прошло как по маслу: непричастность к семитам была подтверждена.

Осенью 1973 г. на первом в семестре заседании кафедры я появился в новом для себя качестве, и Нина Николаевна Калинина, уже сменившая М. К. Каргера в должности заведующего, представила меня: «Это Миша Евсеев, наш новый аспирант, вы помните, как он учился». Преподаватели были те же, что и в 1967 г., когда я заканчивал вечерний, как теперь называют, специалитет. Секретарем кафедры продолжала служить Анастасия Николаевна Свешникова, связующее кафедры почти с ее воссоздания на историческом факультете.

На этом заседании присутствовали и две аспирантки кафедры (1971–1974), талантливые выпускницы Т. П. Знамеровской — Елена Олеговна Ваганова и Лариса Сергеевна Едалина, ставшая уже Булкиной в результате замужества. Мужем ее стал В. А. Булкин, но не Валентин, а его младший брат Василий, преподаватель кафедры археологии исторического факультета ЛГУ [22]. Л. С. Булкина, к сожалению, не продвинулась в науках и не защитила диссертации, хотя одно время казалось, что она идет вровень с Вагановой. Они были подругами, как помню, сокурсницами, выпускницами одной группы. Булкина специализировалась в искусстве Франции XVI в., и в 1974 г. ей доверили рецензирование дипломных работ французской тематики — о бургундской миниатюре, о декоре замка Фонтенбло и о творчестве Ф. Буше. Несколько лет она исполняла обязанности секретаря кафедры, а потом многие годы работала хранителем в Эрмитаже.

70-е годы XX в. — очень значительный период в истории кафедры — в разных смыслах.

Во-первых, как интенсивно работало старшее поколение, пережившее в недетском возрасте войну и сталинские зимы! Навскидку, только в книжном измерении для Т. П. Знамеровской 1970-е гг. — это Сальватор Роза [13], Кватроченто и

Мазаччо [11; 12], Неаполитанская живопись [10], Веласкес [9]. Но и у Н. Н. Калитиной — Эпоха реализма [17], Курбе [14], Синьяк [15], Французская пейзажная живопись [16]. А у Э. П. Гомберг-Вержбинской — не потускневшее второе издание Врубеля [4] и ее же Сомов [20], среди авторов которого нет ее имени, потому что, уезжая в эмиграцию, Элеонора Петровна сняла его, иначе книга просто не вышла бы [3; 18].

Во-вторых, 1973 г. — неплохая точка отсчета для внутренней истории кафедры. Ее возглавила Нина Николаевна Калитина. В том же году Вал. А. Булкин начал читать лекции по истории древнерусского искусства. В декабре 1974 г. Лена Ваганова защитила диссертацию [2] и, благодаря Т. П. Знамеровской, которая отдала ей половину своей ставки, получила возможность нормального развития в качестве штатного преподавателя кафедры. В июне 1975 г. уже Т. П. Знамеровская защитила докторскую диссертацию «Проблемы кватроченто и творчество Мазаччо» [12]. И Лена, и я были на этой защите, которую Знамеровская сама называла боем («выдержала бой» — написала она на автореферате, подаренном мне). Защищаться пришлось при двух отрицательных отзывах — ведущего учреждения (МГУ) и одного из официальных оппонентов (И. А. Смирнова). «Лобное место» всех защит — аудитория 70 — была переполнена; за 40 с лишним лет работы в университете я не видел такого плотного напряженного интереса к процедуре защиты. Кажется, все искусствоведы собрались на эту премьеру. По правилам, защита не могла быть прервана и продолжалась около шести часов. Наэлектризованную атмосферу, в конце концов, разрядил М. С. Каган, который встал и в ответ на претензии оппонентов в том, что диссертант не включила в список литературы защищаемого исследования всех трудов об итальянском Возрождении, рассказал анекдот о еврее-парикмахере, который повесился, оставив записку «Всех не переброешь!» Публика рухнула, хохотали, не могли успокоиться. М. С. Каган подтвердил свою репутацию лучшего тамады и острошлова...

На декабрь 1975 г. поставили защиту Ю. М. Денисова «Архитектор Растрелли (методика проектирования и строительная практика)» [5]. Был отпечатан автореферат, в котором сообщалось, что он разослан 16 ноября 1975 г., а защита состоится 16 декабря (в той же самой ауд. 70). В реферате значился научный руководитель, консультант, оппоненты, ведущее учреждение. Список публикаций включает 6 наименований, в том числе «Каталог чертежей Ф. Б. Растрелли и комментариев к нему». (В рукописях Э. П. Гомберг, которые она оставила, уезжая в эмиграцию, я обнаружил этот реферат с дарственной надписью Юрия Михайловича: «Элеоноре Петровне Гомберг на память о киевских похождениях. 15.XI.75. Денисов»). Однако защита не состоялась. Почему? Боюсь, что этого мы никогда не узнаем, даже помня об абсолютном свободомыслии нашего дорогого учителя.

С 1 сентября 1976 г. преподавателем кафедры, со школьной скамьи, в прямом смысле этого слова, стал Иван Дмитриевич Чечот, с 1 ноября — я, аспирантское время вышло. Вал. А. Булкин защищался в декабре 1975 г. [1], и Н. Н. Калитина, которая долго и неотступно «жучила» его, переключилась на меня. Я защитился в июне 1978 г. [7].

В памяти сохранились некоторые подробности, связанные с защитой. Во-первых, мой научный руководитель М. О. Малышев начал побаиваться темы диссертации «Художественная жизнь Петрограда в первые послеоктябрьские годы (1917–1921)», поскольку там очень активно действовали футуристы, Н. Н. Пунин, описывалась авангардистская модель искусства и т. п. Малышев прижимал меня к стене в коридоре истфака и шептал: «Вы не понимаете, чем Вы рискуете... Вы жизнью рискуете». Я не понимал. Работая над диссертацией, я написал статью «А. В. Луначарский и художественная политика Наркомпроса» [6]. Статья Малышеву не понравилась, видимо. Он инициировал какое-то разбирательство в партбюро истфака. Собралось партбюро, секретарь — М. Н. Кузьмин, декан — В. А. Ежов, Малышев, я, еще кто-то. И мой руководитель объявил, что в статье я недооцениваю роль А. В. Луначарского. Опуская какие-то слова, сказанные в связи с этим, объясню комичность ситуации. Малышев не знал, что до него эту статью прочел В. А. Ежов. И написал на полях, что статья доброкачественная, но я — переоцениваю роль Луначарского. Декан ухмыльнулся и не стал активизировать

этот разговор, а только спросил у Малышева, как обстоят мои лекционные дела. К ним у Малышева претензий не было.

Тема диссертации, однако, беспокоила не только Малышева. Н. Н. Калитина также была встревожена возможными осложнениями: ведь соцреализм никто не отменял. Пунинский сборник [19], изданный в 1976 г. издательством «Советский художник», вызвал немедленную недобрую реакцию критика А. К. Лебедева на страницах «Правды» и т. п. Поэтому на предзащиту она собрала серьезное воинство, которое должно было решить судьбу диссертации. Я запомнил выступление М. С. Кагана, который сказал, что представленная диссертация — лучшее, что есть в советской историографии об искусстве этого периода. Защищался я без научного руководителя. Его имени нет в автореферате, о чем я сожалелю.

Защита прошла интересно. Н. Н. Калитина была довольна. На банкет пришла вдова Натана Альтмана — Ирина Валентиновна Щеголева.

Настал черед И. Д. Чечота, его Н. Н. Калитина тоже «дожала»: Иван защитился в начале 1983 г. [21].

С 1973 г. до января 1984 г. я работал с Леной бок о бок, что называется. То же, очевидно, мог бы сказать любой член кафедры о себе, и о любом другом коллеге. Правда, эта работа не предполагала сидения в офисе, совместные перекусы и чаепития, какие-то застоля. Преподаватель — это айсберг: большая часть его мыслей, идей, знаний не видна. То, что видно — прибежал, прочитал, убежал. Рабочие контакты в нашем деле очень специфичны. Вещи, которые связывают, обсуждаются чаще на заседаниях кафедры, чем в кулуарах: отношение к студентам и со студентами, учебные планы, организация знаний, обмен знаниями. У каждого преподавателя свой научный огород, своя делянка, планы, проекты. Достижения и прибавочная стоимость преподавателя — книги, статьи, доклады, дипломные и курсовые проекты, семинары, практики, курсы, спецкурсы.

В конце 1970-х гг. (возможно, в 1979) мы с Леной удумали выступить на факультетской конференции с общим докладом. Придумали тему и название «Орнитоптер Леонардо до Винчи и Летатлин В. Е. Татлина». Времени, как всегда, не было. Доклад стали готовить, когда «приперло». Решили устроить «мозговой штурм». Лена приехала ко мне в Ульяновку; сели вечером и работали до утра, всю ночь спасали положение, что-то спяпали. Прокурили всю комнату. На следующий день нужно было выступать. Мы выступили. Народу набралось много — тема интересная. Все думали, что будет потрясение основ. Было весело, но мы чувствовали себя отвратительно, потому что серьезные вещи так не делаются.

Несмотря на разницу в возрасте, Булкин, Чечот, я, Лена и Лариса Булкина чувствовали себя одной компанией, фрондой, и не то чтобы позволяли себе какие-то вольности, а были готовы к ним, поддерживали друг друга, во всяком случае, преподавателями мы были молодыми. А молодые преподаватели — это статус. Ты не мог рассчитывать на какие-то преференции, должен был выполнять, что велют. Тебе ставили лекции у дневных студентов, у вечерников, заочников. Если тебе ставили 2 часа последних вечером (а занятия тогда заканчивались в 10 часов вечера, потому что никто не боялся ходить по городу поздно, и метро было открыто до часу ночи), а назавтра — «пару» с 9 часов утра, это значило, что ты точно молодой преподаватель и можешь ночью готовиться к лекциям.

Как-то раз зимой было очень холодно, и мы с Леной, закончив последние лекционные занятия, решили вызвать такси и доехать нормально, чтобы не полоскаться на морозе, ведь транспорт в те годы работал гораздо хуже, чем нынешний. Вызвали. Стали ждать. Долго ждали, звонили, нам обещали. Потом время вышло, метро закрылось. Так всю ночь и провели на кафедре. Утром, когда началось движение, двинулись по домам. Вот такое общение!

Нас «бросали на амбразуру» читать общие курсы для историков, ботаников, журналистов, филологов — все любили искусство, картинку. Кроме учебной и научной работы, было много работы воспитательной. Мы были кураторами студентов разных групп, проживавших в общежитиях, на подготовительном отделении, на уборке картофеля, на строительных работах в Коми, на малом истфаке, с иностранными студентами. Было

много дежурств, особенно в праздничные дни. Независимо от того, был ты комсомольцем или нет, тебе давали общественные задания, выбирали в профком, профбюро. Мне довелось заведовать культурной секцией профкома. Я привез театральную труппу на истфак, они показали спектакль «Карл и Женни Маркс» в лектории. Жизнь была ключом в атмосфере творчества, бедности и свободы.

Факультет был другой, не такой как сейчас, без подвесных потолков, но с потолками Кваренги и неизменным портретом Карла Маркса на торцовой стене длинного коридора. Двери были деревянные, остекленные, без сейфовых замков. Во всех кабинетах — прекрасные библиотеки: в 66-й аудитории — библиотека русского искусства, в 72-й — европейского, в 74-й — античный кабинет. Древние книги, увражи стояли на полках, всё вплоть до «Византийских эмалей» Кондакова. Не воровали. Это началось потом. В 1960-е гг. книги дарили, в 1970-е меняли, в 1980–1990-е — воровали. Когда стали воровать, пришлось отдать все в Библиотеку общественных наук.

Общение аспирантов со студентами начиналось обычно с рецензирования дипломных работ. Это практиковалось обычно в аспирантские и в первые преподавательские годы, когда у начинающих «преподов» еще не было своих дипломников. Лена рецензировала в 1975–1976 гг. несколько работ: о графике У. Хогарта, о позднеготической алтарной пластике, о Хансе Бальдунге Грине, Себастьяне дель Пьомбо.

Что касается выпускных работ, то до 1984 г. Е. О. Ваганова подготовила 19 дипломов. Разнообразие географии стран, тем, видов искусства, интересов к теории ее студентов позволяют понять, каково было качество ее знаний, их глубина, осно-

вательность, ее уверенность в своих силах. И то, что это не за-
поздалые комплименты, подтверждает репертуар защищенных исследований, на каждом из которых стоит ее имя: Европейский портрет XVI в.; Нидерландский ренессансный пейзаж; Лукас Кранах Старший; Художественная практика в Венеции XVI в.; Сиенская живопись первой половины XIV в.; Книжная иллюстрация раннего Средневековья; Боттичелли — иллюстратор Данте; Испанская средневековая живопись; Ранний тосканский маньеризм; Жанр в нидерландской живописи; Портрет в творчестве Эль Греко; Итальянский графический портрет; Немецкая позднеготическая скульптура; Контрапост в Древней Греции; «Благовещение» в итальянской живописи Ренессанса; Экспонирование скульптуры в европейских музеях XIX в.; Паоло Уччелло [8, с. 325–336].

Последняя работа, научным руководителем которой она была, защищена летом 1984 г. — «Категория героического в греческой культуре IV века нашей эры».

Опубликованные ею статьи поражают серьезностью отношения к искусствоведению как науке, совершенным отсутствием случайного, классичностью сюжетов, демонстрирующих достоинство ее как ученицы выдающегося историка искусства Татьяны Петровны Знамеровской.

Нельзя не вспомнить, что в 1980–1981 гг. Ваганова готовила переиздание «Хусепе Риберы» Знамеровской и что научный комментарий к нему был создан ее усилиями. Далось это нелегко и потребовало массы времени.

...Смерть ее была совершенно неожиданной. Помню страшный ранний звонок Нины Николаевны в январе 1984 г.

Сегодня Лене могло бы быть 70. А она осталась молодой.

Список литературы:

1. Булкин В. А. Итальянизмы в древнерусском зодчестве XVI века: автореф. дис. ... канд. иск. Ленинград, 1975. 17 с.
2. Ваганова Е. О. Испанская живопись накануне «Золотого века»: автореф. дис. ... канд. иск. Ленинград, 1974. 22 с.
3. Вержбинская-Рабинович Н. М. Элеонора Петровна Гомберг-Вержбинская (1912–2002). Заметки ее дочери. URL: <http://www.ninawr.at/ru/eleonora-petrovna-gomberg-verzhbinskaya> (дата обращения: 22.04.2020).
4. Врубель. Переписка: Воспоминания о художнике / Вступ. статья Э. П. Гомберг-Вержбинской и Ю. Н. Подкопаевой; Комментар. Э. П. Гомберг-Вержбинской, Ю. Н. Подкопаевой, И. Н. Карасик. Л.: Искусство, 1976. 383 с.
5. Денисов Ю. М. Архитектор Франческо Бартоломео Растрелли: (Методика проектирования и строительная практика): автореферат дис. ... канд. иск. Ленинград, 1975. 35 с.
6. Евсеев М. Ю. А. В. Луначарский о принципах художественной политики Комиссариата просвещения в первые послеоктябрьские годы. 1918–1921 // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 4. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 70–79.
7. Евсеев М. Ю. Художественная жизнь Петрограда в первые послеоктябрьские годы (1917–1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1978. 17 с.
8. Евсеев М. Ю., Сохор Т. Е. Список выпускников кафедры истории искусства Санкт-Петербургского государственного университета с момента ее учреждения на Историческом факультете в 1944 году // Евсеев М. Ю. Ключевые слова: Избранные исследования об искусстве. СПб.: Коло, 2015. С. 291–438.
9. Знамеровская Т. П. Веласкес. М.: Изобразительное искусство, 1978. 270 с.
10. Знамеровская Т. П. Неаполитанская живопись первой половины XVII века. М.: Искусство, 1978. 131 с.
11. Знамеровская Т. П. Проблемы кватроченто и творчество Мазаччо. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 175 с.
12. Знамеровская Т. П. Проблемы кватроченто и творчество Мазаччо: автореф. дис. ... д-ра иск. Ленинград, 1975. 32 с.
13. Знамеровская Т. П. Сальватор Роза. 1615–1673. М.: Изобразительное искусство, 1972. 58 с.
14. Калитина Н. Н. Курбе Г. Письма, документы, воспоминания современников. М.: Искусство, 1970. 271 с.
15. Калитина Н. Н. Поль Синьяк. Л.: Искусство, 1976. 130 с.
16. Калитина Н. Н. Французская пейзажная живопись. 1870–1970. Л.: Искусство, 1972. 262 с.
17. Калитина Н. Н. «Эпоха реализма» во французской живописи XIX века. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. 288 с.
18. Карасик И. Н. Э. П. Гомберг и изучение русского искусства XIX — начала XX в. (в печати)
19. Пунин Н. Н. Русское и советское искусство. Избранные труды. М.: Советский художник, 1976. 262 с.
20. Сомов К. А. Письма, Дневники. Суждения современников / Вступ. статья, сост., примеч. и летопись жизни и творчества К. А. Сомова Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешиниковой. М.: Искусство, 1979. 624 с.
21. Чечот И. Д. «Основные понятия истории искусства» Генриха Вельфлина: Опыт исследования искусствоведческой теории и методологии: автореф. дис. ... канд. иск. Ленинград, 1983. 18 с.
22. Ad Memoriam // STRATUM PLUS. Археология и культурная антропология. 2018. № 5. С. 19–49. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=36349833> (дата обращения: 22.04.2020).

Кириков Борис Михайлович, искусствовед, ведущий научный сотрудник. Центральный научно-исследовательский и проектный институт, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства. Россия, Москва, ул. Душинская, д. 9. 111024. mstig@mail.ru

Kirikov, Boris Mikhaylovich, art historian, leading researcher. Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation, Dushinskaja ul., 9, 111024 Moscow, Russian Federation. mstig@mail.ru

НАШИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

OUR STUDENT'S YEARS

I

Елена Олеговна Ваганова училась на дневном отделении кафедры истории искусства с 1966-го по 1971-й гг. В нашей группе было всего пять человек. Кроме Лены — Лариса Едалина (Булкина), Наталья Козырева, Людмила Савельева и я. Могло бы быть шестеро, но Сергея Кондрашова из Калининграда отчислили после первого курса.

На занятиях по некоторым общим дисциплинам нас соединяли со студентами кафедры археологии. Великолепную шестерку археологов составляли Ирина Верещагина и Ирина Куприянова (Калинина), Игорь Дубов, Евгений Носов, Константин Плоткин и Евгений Рябинин. В таком составе мы прошли рука об руку пять университетских лет. Наша сдвоенная группа была достаточно дружной; конечно, взаимоотношения в ней складывались по-разному, но я не припомню явных трений или коллизий.

Конкурс на кафедру истории искусств оказался в 1966 г. невероятно высоким: более 50 претендентов на место. Незадолго до этого школьную программу сократили с 11 до 10 классов, и в тот год состоялись одновременно два выпуска. Пробивались абитуриенты разными способами. Например, Людмила Савельева поступила на льготных условиях как золотая медалистка из Удмуртии. Мне, надо думать, помогли занятия в школьном кружке при кафедре.

В период абитуриентства я близко сошелся с Игорем Дубовым. А с началом занятий как-то сразу подружился с Леной Вагановой и Ларисой Едалиной. Наша тройка, независимо от брачных союзов, оставалась несколько лет почти неразлучной. Вскоре компанию нам составила Тамара Раппе, одноклассница Ларисы, поступившая на кафедру годом позже. Мы тесно общались со студентами других курсов, особенно часто — с Натальей Калашниковой и Олегом Иоаннисяном.

Нам повезло пройти уроки у неординарной когорты педагогов, хотя тогда, в силу инфантильного максимализма, мы не вполне это сознавали. Введение в искусствознание читал в очень доступной манере Валентин Яковлевич Бродский. К искусству античности приобщала Александра Ильинична Воцинина. Высочайшим авторитетом пользовался заведующий кафедрой Михаил Константинович Каргер. Его лекции по древнерусскому искусству были яркими событиями, тем более что случались не так уж часто.

Курсы по западноевропейскому искусству вели: Татьяна Петровна Знамеровская — в строгой аналитической форме и Нина Николаевна Калитина — в более живом стиле общения.

Историю русского искусства читали молодая Татьяна Валериановна Ильина и опытная Элеонора Петровна Гомберг; советского искусства — легендарный Мелетий Олегович Малышев. Эстетику блестяще преподавал Моисей Яковлевич Каган. Особое место занимал Юрий Михайлович Денисов, на которого была возложена история отечественной и мировой архитектуры от ренессанса до современности.

Я назвал, конечно, не всех преподавателей и музейных специалистов, тративших на нас свои силы. На факультете в то время читали лекции такие светила, как Владимир Васильевич Мавродин, Михаил Илларионович Артамонов, Семен Бенцианович Окунь...

Один день в неделю мы занимались рисунком и живописью в факультетской студии. Рисовать никто из нас толком не умел (лучше получалось у Наташи Козыревой, хуже всех — у Лены Вагановой). Руководители, опытные профессионалы Михаил Иванович Рыбкин (?) и Евгения Ерофеевна (?), относились с исключительной деликатностью к нашим неуклюжим потугам. И все же определенные навыки мы приобрели, а главное, освоили азы техники акварели, сангины, пастели, масляной и темперной живописи.

Скрепляла жизнь кафедры каждодневным участием в делах секретарь (или лаборант) Анастасия Николаевна Свешникова. Для нас она была старшим товарищем и добрым советчиком.

К занятиям мы относились в меру серьезно, а преподаватели к нам — вполне либерально и ставили, не скупясь, отдельные оценки. (Правда, однажды И. Я. Фроянов вlepил Лене Вагановой двойку, но тут же исправил ее на пятерку). Круглая отличница Лариса Едалина владела стенографией и подробно конспектировала все лекции. Расшифровка ее записей помогала девушкам коллективно готовиться к экзаменам.

Главным предметом наших стараний и амбиций были курсовые работы. Им мы отводили больше всего времени. Темы курсовых определяли сами, без давления «сверху» или идеологических ограничений. Кажется, у каждого из нас круг интересов определился с первых лет. Для меня приоритетом стала архитектура России XIX — начала XX вв. Я старался выбирать малоизвестные сюжеты (на первом курсе моим героем стал архитектор М. М. Перетяткович). Писалось тогда легко, по 200 страниц и больше, и неизменному моему руководителю Юрию Михайловичу Денисову приходилось знакомиться с этими многословными сочинениями.

Лена Ваганова сразу же сосредоточилась на изучении испанской живописи XVI–XVII столетий. Особенно ее привлекал

маньеризм. Она занималась творчеством Эль Греко и Моралеса. Затем писала о жанре бодегонес, о мастерах XVII в. Затрудняюсь сказать, что побудило ее погрузиться в испанское искусство, но она оставалась верной избранной теме. Уже на ранних курсах Лена могла считаться серьезным специалистом в этой области. Работала она под постоянным руководством Татьяны Петровны Знамеровской. Ученица следовала методу учителя, разделяла ее концепции.

Вторым, после Университета, местом наших занятий служила библиотека Академии художеств. Вся наша группа проводила там очень много времени. Уютные залы, удобные каталоги, внимательные сотрудники и сама аура этих помещений создавали комфортные условия.

Кроме учебы мы занимались общественными делами. Активных комсомольцев в нашей искусствоведческой компании не было. Ко всему, что касалось советской идеологии, мы относились с отчуждением и иронией. Зато охотно участвовали в деятельности СНО (Студенческого научного общества). Нас также обязывали выступать с лекциями в школах, учреждениях и на предпрятиях. Об этом мы с Леной написали единственную совместную заметку под названием «Учимся, учим», напечатанную в газете «Ленинградский университет». (На старших курсах я был председателем СНО и старостой лекторской группы кафедры).

Разумеется, на этих выездных мероприятиях вопросы маньеризма или модерна не были востребованы. Предпочтение отдавалось темам вроде «Образ Ленина в искусстве». Но в любом случае этот опыт помогал развивать речь, умение держаться на публике. Унизительны были только выступления в обеденный перерыв перед насильно согнанными жующими трудящимися.

Новые знания, уводящие в глубины истории, открывались во время археологической практики под руководством М. К. Каргера и его ассистента Валентина Булкина. Большими командами мы трудились на раскопках в Полоцке (1967) и Витебске (1968). Было большим огорчением, что Лена и Лариса не смогли в них участвовать. В сентябре 1969 г. наша искусствоведческая пятёрка проходила обменную практику в подвалах Меншиковского дворца.

По обмену с Лейпцигским университетом смешанная группа из двух курсов кафедры провела летний месяц в ГДР. Насыщенная программа включала знакомство с памятниками и музеями Лейпцига, Дрездена, Берлина, Потсдама, Магдебурга, Ваймара, Майссена и других городов (почему-то мы с Леной оказались в разных потоках: я в 1969 г., она в 1970-м). Прекрасные поездки по маршрутам Москва — Загорск — Александров и Львов — Вильнюс — Каунас организовали в 1969 г. Ю. М. Денисов и М. О. Малышев.

Университетская жизнь полна курьезных моментов. Солидный профессор М. К. Каргер в дни практики с виртуозным артистизмом, повязав платок, перевоплощался в рассказчицу северных сказок. Михаил Константинович пренебрежительно относился к архитектуре поздних периодов и выговаривал мне: Ваш Перетяткович — типичный Недотяткович. Профессора В. И. Пилявского он переименовал в Компилявского. В. А. Булкин называл работу на раскопках «эксплуатацией энтузиазма». Кто-то из студентов объяснял свою позицию тем, что у него такой склад ума. «Целый склад?», — переспросил Валентин Александрович.

Врезалось в память, как Валентин Яковлевич Бродский, с неизменной сигаретой в мундштуке, стоя, широко расставив ноги, демонстрировал принцип построения устойчивой композиции по схеме треугольника. Александра Ильинична Воцинина, показав очередную амфору, заключала: «Это настоящий шедевр, и никто не отказался бы иметь его дома». Мы ждали, что же она скажет о Парфеноне.

Косметическим ремонтом помещения кафедры почему-то собственноручно занимался Юрий Михайлович Денисов. С редкой тщательностью он подбирал колера для окраски стен. При этом проводил опрос общественного мнения.

Мелетий Олегович Малышев входил на лекцию со словами: «Привет, прохиндеи! А где остальные прохиндеи?». И добавлял, подтверждая свое прошлое разведчика: «Думаете, я

не знаю, что у вас составлен график посещений и прогулов?». Старшекурсник Марк Петров поинтересовался, на какую лекцию нас направляют. Тема была «Как смотреть картину?». Он предложил: «Скажите, что картину надо смотреть внимательно. И сразу пойдем выпьем».

Должен признать, что выпивали мы тогда нередко. Курить же разрешалось практически везде. Задлый курильщик В. Я. Бродский делал это прямо в аудитории. Мы с Леной и Ларисой тоже были подвержены этому пороку. Дымили в коридорах истфака, зачастую — прямо у дверей кафедры.

Подобными штрихами можно было бы заполнить немало страниц. Суть всех этих ситуаций заключается в том, что мы чувствовали себя вполне свободными. Ригоризм времен «застоя» как бы обходил кафедру стороной. И за это следует благодарить наших преподавателей.

II

Лена Ваганова, Наташа Козырева и я были детьми коммуналок. Наташа жила на Кировском проспекте, 54; я, тоже с родителями и бабушкой, на Невском проспекте, 82. Лена с мамой занимала большую, под 40 метров, комнату на верхнем этаже дома № 8-а по Лермонтовскому проспекту.

Отец Лены, талантливый историк Олег Ваганов, пострадал от карательного режима и рано ушел из жизни. Мать, Наталья Александровна Казакова, была крупным ученым, доктором исторических наук. Перу ее принадлежат солидные монографии и многочисленные публикации по русской истории XIV–XVI вв. Наталья Александровна работала в академическом Институте истории, дружила с Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье. Плодотворная деятельность ученого иногда прерывалась обострением болезни, но оставим эту тему за скобками.

У Лены были проблемы со здоровьем иного рода. Не помню, чтобы она часто жаловалась на сердце, но ей приходилось делать каждодневные инъекции инсулина. Лена мужественно переносила эту тяготу как данность, и со стороны она была совсем незаметна.

В характере Лены импонировали интеллект и культура, увлеченность профессией, чувство иронии и юмора, разборчивость в людях. У нас было много общего во взглядах, в понимании разных сторон жизни. Наша дружба становилась все более близкой. Мы очень много времени проводили вместе, интересовались делами друг друга. Гуляя по городу, выбирали тематические маршруты, например, «по Лидвалю» или «по Достоевскому».

Правда, Лена совсем не разделяла мою любовь к футболу и пристрастие к настольным играм. Она, кажется, не побывала ни на одном матче, а ведь я выступал за команду факультета и даже забивал голы. (Из друзей-археологов иногда в защите играл Евгений Носов, а столпом обороны был самоотверженный Василий Булкин; с Валентином Александровичем мне довелось сражаться в формате мини-футбола на летних практиках).

Изящная точеная фигура Лены выглядела рядом со мной миниатюрной. Преподаватель английского языка Ксения Александровна Сиповская прозвала нас Пат и Паташон. Нас это мало смущало. Мы подходили друг другу не по росту, а по «родству душ» и по любви.

Желание начать совместную жизнь привело нас после третьего курса в объятия Гименя. Церемония состоялась в июле 1969 г. во Дворце бракосочетания (бывшем особняке Варгунина) на улице Петра Лаврова, 52. Там же был накрыт стол с шампанским. Свадьбу в традиционном смысле по инициативе невесты не устраивали.

Медовый месяц мы провели в Усть-Нарве (Нарва-Йыгэсуу), там же отдыхали и следующим летом. Ездили в Таллин, где ночевали на вокзале. Обошли близлежащие места: Нарву с Кексгольмом, Тойла-Ору и Куремяз, Ивангород и Кингисепп. На трясущемся автобусе добрались до Котлов и Копорья. В зимние каникулы объехали вдвоем Новгород и окрестности, Псков, Изборск, Печоры и Пушкинские Горы.

Перспектива жить с родителями изначально отвергалась. Приходилось снимать комнаты, меняя адреса. Первый наш адрес — Большой проспект В. О., 8/4. На какое-то время обосновались на Лиговском проспекте, 3/9. Повезло, когда одноклассница Елена Грушвицкая предоставила нам свою пустовавшую комнату в тихой квартире с единственной соседкой на улице Халтурина, 23, во дворе с Запорожского переулка. Там мы оказались соседями по лестнице с Андреем Львовичем Пуниным. Обмен визитами закрепил наше знакомство. В последний раз мы сняли комнату в малопривлекательном районе на Балтийской улице, 18.

Эти обиталища служили местами сбора нашей компании. Коммунальные условия стесняли все же меньше, чем проживание с родственниками. Мне кажется, у нас действительно царил атмосфера свободного дружеского общения.

Жили мы, конечно, скромно, но отнюдь не бедствовали. Нам помогали родители, особенно — Наталья Александровна. Я начал получать первые гонорары и даже полноценную зарплату. В 1969 г. Вера Александровна Витязева — выпускница нашей кафедры, работавшая в Музее истории Ленинграда, ушла в декретный отпуск, и, благодаря Юрию Михайловичу Денисову, я временно занял ее должность. В музее мне предоставили идеальные условия: требовалось приносить результаты архивных изысканий, не отсиживая часы на месте.

Брак с Леной продолжался два года. Нельзя сказать, что у нас была сплошная идиллия. Возникали всякие ситуации, но это касалось только нас двоих. Главное, что мы избежали ссор и ни один не сказал другому грубого слова. Тем не менее взаимное притяжение как-то постепенно истаявало. Видимо, это

был типичный студенческий брак. К окончанию Университета он фактически распался.

Весной 1970 г. я попал на студенческую конференцию в Тбилиси и там подружился с однокурсником с кафедры античности Евгением Мавлеевым. Он показал себя надежным и крепким товарищем, помогавшим мне преодолевать последствия грузинского гостеприимства. Несмотря на перегрузки, на обратном пути в самолете Женя читал монографию об этрусках на немецком языке. После этого мы обращались друг к другу не иначе как Кацо Мавлееви и Кацо Кирикови. Через год нас снова туда пригласили и, с моей подачи, в делегацию включили Лену Ваганову. Я видел, что между ними зарождается симпатия, и для меня это стало моральным облегчением.

Развод не назовешь приятной процедурой, но для нас он прошел бесконфликтно. Делить было нечего. Явившись в ноябре 1971 г. в ЗАГС на Садовой улице, 55–57, мы попали в обеденный перерыв. Скоротали время рядом в кафе «Белые ночи», выпив за дружбу. И вернулись за штампами неприлично веселыми.

То, что мы остались друзьями, — не фигура речи, а правда. Я бывал у Елены с Евгением в съемной комнате в районе малоэтажной застройки близ площади Стачек. Потом — у них дома (тоже в коммунальной квартире) на Фонтанке, 183. Я отдавал должное их трудолюбию и взаимной привязанности.

Естественно, со временем наши пути разошлись. У меня изменился круг общения и личная жизнь в целом. Впрочем, это уже совсем другая история.

С тех пор минуло полвека. Но пока я писал эти обрывки, мне казалось, что все происходило вчера.

Бондарева Наталья Александровна, кандидат искусствоведения, независимый исследователь. natalbondareva@yandex.ru

Bondareva, Natalya Aleksandrovna, PhD in Art History, independent researcher. natalbondareva@yandex.ru

ПАМЯТИ Е. О. ВАГАНОВОЙ

TO THE MEMORY OF E. O. VAGANOVA

Елена Олеговна. Учитель. Она считала свою педагогическую миссию основной. По ее словам, она была ответственна в этом перед своим Учителем — замечательным искусствоведом и человеком Татьяной Петровной Знамеровской. Наш курс уже не застал ее, но Елена Олеговна много о ней рассказывала, восхищалась ее профессиональными и человеческими качествами, давала желающим почитать ее стихи — своеобразный поэтический дневник, который Татьяна Петровна вела всю жизнь. Елена Олеговна приняла от нее руководство специальным семинаром по западноевропейскому искусству Средних веков и Возрождения и стала для нас — студентов, его посещавших — учителем и воспитателем в профессии, значение которого также трудно переоценить. Самое главное ее качество — стремление раскрыть в студентах творческий потенциал. Она прививала нам вкус к самостоятельному научному исследованию через постоянную тщательную совместную работу как над темами семинарских занятий, так и над основной проблематикой, выбранной для курсовых и дипломной работ. Темы, которые Елена Олеговна предлагала или помогала сформулировать, не имели прямых ответов в имеющейся литературе, всегда требовали самостоятельного участия и осмысления.

Приветствовалось любое самостоятельное суждение, споры, поиски формулировок. Она активно помогала их ясно выразить и оформить, учила этому нас, заставляя понимать каждое слово и термин, которые мы применяли и использовали в устном выступлении или в тексте.

Очень помогало и воспитывало изначально доброжелательное отношение к студенту, заинтересованность в его развитии, дружеская манера общения. У Елены Олеговны было правило — сначала она высказывала критические замечания, а потом хвалила те моменты, которые заслуживали одобрения в работе. Она их обязательно находила, даже самые незначительные, и это воодушевляло и укрепляло веру в себя. Успехи ее учеников доставляли ей нескрываемое удовольствие и повод для гордости. Елена Олеговна чрезвычайно много нам отдавала, не считаясь со временем и собственным здоровьем. Очень важно встретить на своем пути такого определяющего многие жизненные ориентиры человека — для меня это было ясно и в годы учебы, и позднее — в самостоятельной работе, поэтому благодарность к Учителю всегда со мной.

Бондарева Наталья Александровна, выпуск 1980 г.

Воробьева Наталия Николаевна, методист I категории. Государственный Эрмитаж, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34. 190000. ny@hermitage.ru

Vorobieva, Nathalia Nikolayevna, methodologist. The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Dvortsovaia nab., 34, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation. ny@hermitage.ru

ВОСПОМИНАНИЯ О ЕЛЕНЕ ВАГАНОВОЙ

MEMORIES ABOUT ELENA VAGANOVA

Хочу начать с благодарности — моему поколению очень повезло, нас учила блестящая плеяда университетских преподавателей: Нина Николаевна Калитина, Татьяна Валерьяновна Ильина, Валентин Александрович Булкин, Юрий Михайлович Денисов. И среди них самой младшей, двадцатипятилетней была Елена Олеговна Ваганова, которую мы в неофициальной обстановке звали просто, но очень уважительно Леной. Если около кафедры был замечен водоворот студентов, а преподавателя не было сразу видно, то это вокруг маленькой, напоминающей девочку Лены (мы даже ласково называли ее Дюймовочкой) толпились студенты, раздавался ее голос с характерным придыханием, «всхлипами» смеха, остроумными замечаниями, но до панибратства никогда не доходило. Лена была всего на пять-шесть лет старше нас вечерников, вполне уже сформировавшихся людей, работающих в разных музеях. Несмотря на ее молодость и не очень представительный вид, мы сразу оценили ее профессионализм и, главное, преданность преподавательскому делу. Она читала нам курс лекций по истории искусства Средних веков и эпохи Возрождения, за одну пару мы исписывали 8–10 страниц, едва поспевая за речью Лены. Наклонив к плечу голову и расхаживая из угла в угол по затемненной аудитории № 66, она начитывала, ни на секунду не прерываясь, огромный материал с определенной методичностью, не теряя ни минуты на пустословие или долгие введения. Мы были поражены ее памятью, ведь это была не совсем сфера ее научных интересов: Лена занималась искусством Испании XVII в. Во внелекционное время она стремилась помочь каждому, стремящемуся к знаниям, но была очень «колкой» в общении с нерадивыми. Не щадила своего слабого здоровья, тратя свое время на подготовку студентов к докладам в семинаре по истории западноевропейского искусства и на работу над курсовыми и дипломами, помогая даже тем студентам, которые официально не находились под ее опекой.

В связи с этим хочу с ностальгией и благодарностью вспомнить практику студентов искусствоведов и историков ЛГУ в Венгрии 1978 г., руководителем которой была назначена Елена Олеговна (я уже училась на дневном отделении).

После хлебосольного приема и обширной культурной программы венгерских студентов в Ленинграде, мы отправились в Венгрию. Для многих из нас это был первый выезд за границу. Стоял очень жаркий август 1978 г., 6 августа скончался римский папа Павел VI; увидев траурные флаги в Будапеште, мы воочию увидели роль католической церкви в мире на примере отношения к ней в Венгерской Народной республике, что для атеистически воспитанных студентов идеологического факультета было неожиданно и удивительно. Люди искренне соболезновали и плакали. Таковы парадоксальные сюрпризы судьбы, ведь Лена занималась творчеством Мурильо, и католическая церковь перестала быть чем-то абстрактным, в частности и для нее.

Руководителем нашей практики со стороны Будапештского университета был товарищ Шандор, который вел занятия

в церквях и музеях исключительно на немецком языке, поскольку русским не владел, а из венгерского за месяц пребывания в Венгрии мы с трудом могли выучить лишь несколько слов. Практика, помимо искусствоведческой, стала и филологической. Елена Олеговна считала, что немецкий язык — язык великих теоретиков искусствознания — должен знать или, во всяком случае, стремится его учить каждый историк искусства. Поначалу она синхронно переводила, а затем мы стали сами понимать, чем “romanische Kirchen” отличаются от “gotische Kirchen”, убранство которых мы изучали. Помимо чрезвычайно насыщенной дневной программы, почти каждый вечер нас ждал сюрприз, и мы отправлялись смотреть еще какой-нибудь интересный памятник, например, средневековую синагогу, преодолевая жару и боль в ногах, и приступы голода. Но поздно, почти ночью, за бутербродами из привезенных из дома шпрот, (а жила она в одной комнате со студентами), мы так весело обсуждали дневные туры по достопримечательностям и немного злословили по поводу того, что студенты-историки не проявляли такую жертвенную стойкость, как искусствоведы. Практика не ограничивалась Будапештом, мы побывали на Балатоне, в Вышеграде, Секешфехерваре. Из пограничного городка Кесега мы видели холмы Австрии, загадочного закрытого капиталистического мира. Всюду Елена Олеговна следовала заранее разработанной программе и корректировала Шандора, чтобы мы не пропустили наиболее значимого. Лена Ваганова оказала огромное влияние на формирование нас как личностей и профессионалов своим примером, несмотря на то, что состояние ее здоровья годилось скорее для госпитализации, чем для руководства такой длительной практикой. Лена также учила нас этикету поведения за границей, и, несмотря на то, что венгры выделили нам весьма скудное содержание (мы не всегда могли себе позволить пообедать), она изредка водила нас посидеть в будапештском кафе за стаканом холодного оранжа и почувствовать себя «белым» человеком, созерцая уличную жизнь Будапешта, вместо того, чтобы на сэкономленные деньги на блошином рынке купить джинсы — мечта всех студентов того времени.

Помимо целей коллективной практики, Лена стремилась помочь нам осуществить и индивидуальные планы, очень нам доверяла в то время, когда за рубежом было принято ходить «звездочками». Я очень признательна Елене Олеговне за то, что она сумела договориться с египтологом Будапештского университета, который поделился со мной новыми публикациями по теме моего диплома.

И в заключении хочется отметить немислимую силу воли этой хрупкой женщины, которая до обмороков доводила себя своей целеустремленностью и жадной жизни, как будто предчувствуя, что ей отведено всего 35 лет, в течение которых следовало оставить свое наследие — многочисленных учеников, добрую о себе память и дочь Машу.

УДК 7.072.2

Кицул Ольга Валерьевна, искусствовед, экскурсовод. Государственный Эрмитаж, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, 190000. kitsul_olga@list.ru

Kitsul, Olga Valerievna, art historian, guide. The State Hermitage Museum, Dvortsovaia nab., 34, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation. kitsul_olga@list.ru

В ПАМЯТЬ ОБ УЧИТЕЛЕ И ДРУГЕ

IN MEMORY OF TEACHER AND FRIEND

Поделюсь небольшими размышлениями о личности Елены Олеговны как о человеке 70-х, времени удивительного расцвета духовного и интеллектуального — расцвета, так сказать, «не благодаря», а «вопреки».

Елена Олеговна была настоящим чудом, которое мы, дураки, по молодости и глупости не уберегли. У меня, можно сказать, церковное восприятие Елены Олеговны — в том смысле, что для Бога все живы. Для Бога мёртвых нет. Лично я помощь и заботу Елены Олеговны о себе чувствую до сих пор. 35 лет Елена Олеговна прожила, ещё 35 — как миг! — прошло — и вот — привозят Пьеро делла Франческа [4], Уччелло [3], Карпаччо [2] — этих дам замечательных — в Эрмитаж! Как подарок воспринимаю такие совпадения. Разве могла я мечтать, что «Святого Георгия» Паоло Уччелло привезут? Нет у меня рационального объяснения этих совпадений — уж Уччелло-то точно воспринимаю как подарок мне лично от Елены Олеговны посредством небес. Помнит она нас и любит. Я как-то стих для Аркадия Ишполитова придумала, когда мы с Машей Козловской и Леней Кононенко и ещё Машей Тепловой по поручению Елены Олеговны альбом ему делали, так как думали, что Аркадий навсегда уедет в Италию. Однажды даже экскурсантам своим на экскурсии этот стишок рассказала, когда Уччелло был в Аполлоновом зале выставлен:

Велением рока убитый дракон —
То жизни жестокой извечный закон.
И не был героем в далёкой стране
Печальный Георгий на белом коне.

Но и не стыдно, думаю, Елене Олеговне за многих своих учеников. Многие на своём месте. Хранители хранят, учёные изучают, преподаватели учат студентов, писатели пишут, экскурсоводы просвещают народ.

Я тоже на своём месте, и мне очень важно то, чему старалась нас научить Елена Олеговна — за внешними вещами и формами видеть внутренний смысл — и показать это людям. То, что было в Елене Олеговне очень ярко — щедрость. Удивительная щедрость души. Горько думать, что когда-то ты мог не ценить этого.

А также есть воспоминания, лично у меня, которые согревают душу. Например — когда я делала доклад об Уччелло и, не прочитав ещё «Морфологию сказки» Владимира Проппа, пришла к близким выводам — и как Елена Олеговна радовалась искренне моим маленьким «открытиям», и как вообще она серьёзно относилась ко всем нашим работам, дипломам, рефератам, докладам и т. п., прочитывая и комментируя всё подробнейшим образом и всегда находя для этого время, несмотря на огромную загруженность.

А ещё вспоминаются поездки из Университета домой — через весь город, на трамвае, который шёл час или больше. Елена Олеговна к тому времени переехала в новый район,

и нам было по пути, поэтому случалось ехать вместе. Поездки проходили в разговорах, и беседы эти тоже были как подарок...

Иногда представляю, как бы сейчас Елена Олеговна воспринимала реальность — с её-то острым и скептическим умом...

Впрочем, что рассуждать о времени — что бы ни сказал — всё не то. Понимаешь с возрастом условность времени.

Там, в полях, на погосте,
В роще старых берез,
Не могилы, не кости,
Царство радостных грез —
Летний ветер мотает
Зелень длинных ветвей —
И ко мне долетает
Свет улыбки твоей.
Не плита, не распятие —
Преодо мной до сих пор
Институтское платье
И сияющий взор.
Разве ты одинока?
Разве ты не со мной?
В нашем прошлом, далеко,
Где и я был иной?
В мире круга земного,
Настоящего дня,
Молодого, бывшего
Нет давно и меня!

Это стихи И. А. Бунина «Свет незакатный» (1917), а вот что о них пишет Ольга Седакова (кстати, с Еленой Олеговной в один год родилась) в рассуждениях о теме времени:

«В памяти есть, неотменимо есть то, чего уже нет нигде вовне — и всякое воспоминание, среди другого, непременно напоминает вспоминающему, что и его — того, прошлого — уже нет. У Бунина есть простые стихи об этом» [6, с. 223].

Елена Олеговна писала о Мурильо [1]. В Эрмитаже в Малом Испанском просвете находится картина Мурильо «Мальчик с собакой» — из моих любимых. Когда на душе пасмурно, как поддержку, я вспоминаю улыбку этого мальчика... Мне видится в ней что-то очень «вагановское» — такая доброта, обещающая и дающая защиту, какая-то безусловная доброта. И об этом ещё — о доброте — стихотворение Ольги Седаковой:

Мальчик, старик и собака

Мальчик, старик и собака. Может быть, это надгробье женщины или старухи.

Откуда нам знать,
кем человек отразится, глядя в глубокую воду,
гладкую, как алебастр?

Может, и так:
мальчик, собака, старик.
Мальчик особенно грустен.

— Я провинился, отец, но уже никогда не исправлюсь.
— Что же, — старик говорит, — я прощаю, но ты не
услышишь.

Здесь хорошо.

— Здесь хорошо?..
— Здесь хорошо?.. —

в коридорах
эхо является.

— Вот, ты звал, я пришел.

Здравствуй, отец, у нас перестроили спальни.

Мама скучает. — **Сын мой, поздний, единственный,
слушай, я говорю на прощанье: всегда соблюдай благо-
родство, это лучшее дело живущих...**

— Мама велела сказать...

— Будь ты счастлив.

— Когда?

— Всегда.

— Это горько.

— Что поделаешь,

так нам положено.

Молча собака глядит
на беседу: глаза этой белой воды,
этой картины —
«мальчик, собака, старик».

из «Стелы и надписи», 1982 [5].

Особенно хочется обратить внимание на слова: «Сын мой, поздний, единственный, слушай, я говорю на прощанье: **всегда соблюдай благородство, это лучшее дело живущих...**».

Думаю, Елена Олеговна оставила бы нам такое пожелание...

Список литературы:

1. Ваганова Е. О. Мурильо и его время. М.: Изобразительное искусство, 1988. 224 с.
2. Выставка в Гос. Эрмитаже «Витторе Карпаччо. “Две венецианские дамы”». Из собрания Фонда Городских музеев Венеции (Музей Коррера). 09 октября 2019 – 12 января 2020. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/2019/carpaccio/ (дата обращения 22.04.2020).
3. Выставка в Гос. Эрмитаже «Паоло Уччелло. “Святой Георгий, поражающий дракона”». Из Музея Жакмар-Андре, Париж». 13 апреля 2019 – 14 июля 2019. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/2019/ucchello/ (дата обращения 22.04.2020).
4. Выставка в Гос. Эрмитаже «Пьеро делла Франческа. Монарх живописи». 7 декабря 2018 – 10 марта 2019. URL: https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/what-s-on/temp_exh/2018/francesca/ (дата обращения 22.04.2020).
5. Седакова О. Стихотворение «Мальчик, старик и собака» (1982) // Седакова О. Стелы и надписи. М.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. URL: <http://www.olgasedakova.com/58/369> (дата обращения 22.04.2020).
6. Седакова О. Mofalia. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.

Кононенко Елена Алексеевна, искусствовед, независимый исследователь. kononenkolena@gmail.com

Kononenko Elena Alexeevna, art historian, independent researcher. kononenkolena@gmail.com

ДОБРОЙ ПАМЯТИ ЕЛЕНА ОЛЕГОВНЫ ВАГАНОВОЙ

IN GOOD MEMORY OF ELENA OLEGOVNA VAGANOVA

Вспоминая ее, говорю скорее о себе в студенческие годы. Те, кто поступил на кафедру несколькими годами раньше, знали ее гораздо ближе, прошли с ней весь путь от малого факультета (школьного кружка), где она вела занятия, до диплома и устройства на работу (с этим она тоже помогала своим выпускникам). Она была моим научным руководителем, но написать у нее диплом мне не довелось. Ее не стало, когда я училась на пятом курсе вечернего отделения. Но если я чему и научилась в профессии, то преимущественно благодаря ей. Чему она научила меня? Читать и понимать прочитанное, формулировать вопросы и искать ответы, писать и говорить по существу. Она поворачивала — вы имеете право на любые теории, но извольте представить доказательства. Умение аргументировать — это главный урок, усвоенный на всю оставшуюся жизнь.

Конечно, воспроизвести вагановскую систему воспитания невозможно, слишком многое было личностным, но все же... Она вела немислимое количество курсов: античность, Средние века, Ренессанс, музееведение, частично введение в специальность (может, я уже что-то и не упомяну) на первых-вторых курсах дневного и вечернего отделений, и, конечно, спецсеминар для старшекурсников и научное руководство курсовыми и дипломами. О том, что она потом и Древний Восток читала студентам, я не знала. У нас никакого Древнего Востока не было (просто выкинули из программы), и Елена Олеговна нам сказала — осваивайте сами. Я, кстати, этому совету последовала, но дальше увесистого тома Матье¹ по Египту не продвинулась, просто времени не хватало.

Я поступила на истфак в 1979 г. Своей первой встречи с Вагановой я не помню. Вероятно, она состоялась, когда в середине сентября первокурсники отбирались на кафедру истории искусств. Но помню, как на первом курсе лихорадочно конспектировала ее лекции и ужасалась бездонности собственного невежества. Помню, как по воскресеньям мы ходили в Эрмитаж на практические занятия. Именно там началось обучение азам профессии — первые самостоятельные описания и анализ предметов делались на экспозиции.

Дополнительные часы преподавателю, естественно, не оплачивались, но она считала, что для студентов это необходимо, тем более, что именно на нашем курсе существенно урезали программу по специальности. Тут я оказалась полезной и проследила решительной особой, не стесняясь попросить у музейных смотрителей стул для преподавателя (по слабости здоровья Елена Олеговна не могла долго стоять, а на случай внезапного диабетического криза я была проинструктирована, где взять бутылку со сладким чаем и как напоить им Елену Олеговну).

Помню первые зачеты по вагановским курсам. Это было удивительно. В отличие от всех прочих преподавателей, она разрешала приносить на зачеты и экзамены любую литературу.

Готовься отвечать и пользуйся, чем хочешь. Но в том-то и дело, что вопросы были сформулированы так, что если ты не готовился, ответить на них было вряд ли возможно. По Средневековью отлично помню свой вопрос — орнамент в средневековом искусстве. Попробуй Расскажи, если пропустил весь курс мимо ушей. Мне-то как раз с моей юношеской любовью к теоретизированию и лихим обобщениям это было в самый раз.

Во втором семестре первокурсники, от которых не требовалось посещения спецсеминаров до третьего курса, стали ходить на семинарские занятия старших. Я побывала и у В. А. Булкина, и у Н. Н. Калитиной, но «разведка докладывала», что у Вагановой — самые сильные студенты, очень высокие требования, что она заставляет работать на износ. И я решила, что именно это мне и нужно. Кроме того, мне казалось, что искусство ближайших столетий мне более или менее известно (разумеется, юношеское заблуждение), а вот Средневековье и Ренессанс — терра инкогнита. Хочу больше знать об этом, хочу учиться у лучших и с лучшими.

В вагановский семинар я регулярно стала ходить со второго курса. Просто пришла. Никаких вступительных испытаний Елена Олеговна мне не устраивала. Она поинтересовалась, чем именно я хочу заниматься (готового ответа у меня, конечно, не было), и рекомендовала тему по средневековому прикладному искусству. И я даже сделала первый доклад, но к третьему курсу поняла, что хочу изучать итальянское Возрождение.

Повышенные требования оказались сущей правдой, но и лучшим стимулом к совершенствованию. Мне нравилось, что раз в семестр нужно сдавать рецензию на монографию по теме научной работы на иностранном языке (желательно каждый раз на другом). Раз уж занимаешься зарубежным искусством, говорила Елена Олеговна, извольте читать на иностранных языках. С английским у меня проблем не было, но пришлось заняться итальянским (первые уроки мне дала Маша Козловская, наш семинарский полиглот, а дальше сама — по самоучителям и словарям), читать на французском и немецком училась сама.

С курсовыми работами все оказалось гораздо сложнее. За первые два года в университете я так и не поняла, чем курсовая отличается от школьного сочинения. Работы по истории КПСС и советскому искусству (обязательные на первых курсах в 1980-х гг.) не помогли освоить навык самостоятельной научной работы.

Выбор темы на третьем курсе уже сам по себе был творческим актом (до того нам просто «спускали» готовые темы, ни одна из которых меня, мягко говоря, не интересовала). Я придумала себе: «"Клевета Апельлеса" Боттичелли (к вопросу о сюжете)». Интересная тема, но сама работа оказалась полной катастрофой. Несмотря на призывы научного руководителя приходить и обсуждать курсовую поэтапно, я, как и большинство студентов, уговорам не вняла и принесла текст в последний момент. Елена Олеговна его не приняла, но, после выволочки я,

¹ Матье М. Э. Искусство Древнего Египта. М.: Искусство, 1958. 212 с.

наконец, уяснила, что и как делать. Пришлось перенести защиту. Все лето я провела в библиотеке. К середине сентября был сдан честно сделанный текст, и проблем со следующими курсовыми, докладами и прочим у меня уже не возникало. Принцип работы стал понятен.

Не все были так понятливы. Одна девица с моего курса сдала работу, списанную с монографии Б. Р. Виппера. Ответ был жестким. По представлению Вагановой с кафедры девушку немедленно отчислили.

Конечно, главное воспоминание — это семинар. Вагановский семинар был уникален. Пропустить субботнее заседание было просто невозможно. Два часа слушали и обсуждали доклады. Особенно блистали «звезды» — Аркадий Ипполитов и Лида Ляхова. Потом чаепитие на кафедре в совершенно пустом здании факультета и разговоры «за жизнь». Ваганова много рассказывала и о себе, и о своем учителе — Татьяне Петровне Знамеровской, от которой во многом унаследовала отношение к студентам. Для Елены Олеговны, да и для большинства из нас, семинар стал частью семьи.

Факультетскими субботами жизнь семинара не ограничивалась. Были еще совместные походы на выставки. Мне запомнился вдохновенный доклад Оли Сажинной о Паоло Уччелло, прочитанный у «Портрета рыцаря» на выставке из коллекции Тиссен-Борнемиса.

Еще была всесоюзная конференция в Москве весной 1981 г., куда семинар в полном составе выехал, чтобы послушать Л. М. Баткина и поддержать Е. О. Ваганову, которая вместе со своим мужем Е. В. Мавлеевым читала доклад по «Лаокоону»

Эль Греко. Наверное, это был единственный раз, когда я слушала научное выступление Елены Олеговны.

Была еще всероссийская студенческая конференция на 4-м курсе, где от нашего семинара выступали Аня Солохова, Оля Сажина и я. Кажется, Елене Олеговне понравился мой доклад о «Преображении» Рафаэля и Себастьяно дель Пьомбо, хотя лично она мне комплиментов не делала.

Были и выездные семинары на зимних каникулах — всего два. На первом (в Киеве) я не была (кажется, я тогда еще училась на первом курсе), но старшие часто о нем вспоминали. А вот во Львове мне посчастливилось побывать. И это был незабываемый опыт близкого общения с Вагановой в самом прямом смысле слова. Кажется, нас приютили в каком-то общежитии, где все разместились в одной комнате, и моя койка была где-то поблизости от Елены Олеговны. Правда, из шести дней только три она ходила с нами по городу, а потом плохо себя почувствовала и оставалась в постели. Студенты самостоятельно ездили осматривать «запланированные объекты» и вечером делились впечатлениями.

После смерти научного руководителя осиротевшая группа еще года два собиралась на квартирах семинаристов. Готовили и обсуждали доклады, но это уже было не то. И все же «своих» не бросали и помогали друг другу по возможности. Мне, например, когда я писала диплом, Аркадий Ипполитов, работавший в Эрмитажной библиотеке, очень помог с литературой.

Все закончилось, когда последние вагановцы защитили дипломы и начали самостоятельную профессиональную жизнь, но мне кажется, что «вагановское клеймо» осталось на каждом.

Филичева Надежда Викторовна, доктор философских наук, профессор. Университет ИТМО, Россия, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., 49. 197101. nfilicheva@gmail.com

Filicheva, Nadezhda Viktorovna, Full Doctor of Philosophy, professor. ITMO University, Kronverkskii pr., 49, 197101 Saint Petersburg, Russian Federation. nfilicheva@gmail.com

ВОСПОМИНАНИЯ. КАФЕДРА. ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА ВАГАНОВА

MEMORIES. DEPARTMENT. ELENA OLEGOVNA VAGANOVA

На кафедру истории искусства исторического факультета я поступила и училась там уже человеком взрослым, имея опыт обучения в других местах, десятилетний стаж работы и совмещающая учебу и работу в музее-заповеднике «Петергоф». У меня уже был определенный опыт музейной работы и общения с миром искусства, так что выбор моей будущей специальности был не случайным.

Самым важным для меня было то, что все шесть лет обучения на вечернем отделении нашей кафедры (с 1979 по 1985 гг.) были удивительно интересными и продуктивными.

Кафедра, которую возглавляла Н. Н. Калинина, была яркой и сильной. Профессорско-преподавательский состав нашей кафедры был замечательный, это были увлеченные и преданные своему делу талантливые ученые. Лекции читали Н. Н. Калинина, Т. В. Ильина, Е. О. Ваганова, В. А. Булкин, Ю. М. Денисов, И. Д. Чечот, М. Ю. Евсеев, О. В. Немиро и другие преподаватели кафедры.

Память без конца возвращается в те, уже далекие времена молодости и студенчества (прошло тридцать пять лет после окончания кафедры), к лекциям и занятиям любимых преподавателей, среди которых Елена Олеговна занимала особое и важное место.

Елена Олеговна Ваганова выделялась какой-то особенной, удивительно эмоциональной энергетикой, любовью к своим предметам и студентам, профессионализмом, и, пожалуй, еще одной чертой, присущей ей в большей степени — рядом с ней не было той характерной разделительной черты и грани в общении между преподавателем и студентом, она была очень демократична в общении со студентами.

Вспоминаю начало нашего обучения — на самых первых занятиях, еще не прослушав фактически ни одной лекции по курсу истории и теории искусства, нам было предложено прочитать и написать рецензию на монографию А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры» (М.: Искусство, 1972).

Для нас это было первое задание и знакомство со столь серьезными искусствоведческими работами, так что сразу, уже на первом курсе, было понятно, что будет все «серьезно», и нам предстоит «с головой уйти» в изучение трудов М. Дворжака, Г. Вельфлина, Б. Виппера и других теоретиков искусства, чтобы уже с первого курса вплотную заниматься теорией и историей, учиться понимать искусство не только на уровне эмоционального восприятия.

Но, пожалуй, более всего навсегда осталась в памяти одна из первых лекций, прочитанных Еленой Олеговной Вагановой. Одну из первых встреч с нами, студентами-первокурсниками (на втором и третьем курсе мы уже будем родными, близкими), Елена Олеговна традиционно посвящала своим Учителям. Она рассказывала нам о Т. П. Знамеровской, Н. Н. Пунине, И. И. Иоффе и других замечательных преподавателях, которые работали

и были гордостью нашей кафедры. Говорила Елена Олеговна и о разных, в том числе тяжелых периодах того сложного времени — репрессий, гонений на науку и выдающихся ученых, которые выпали и на долю нашей кафедры. На этой лекции мы были какие-то «необычные», мы ничего не обсуждали, мы не задавали вопросов, мы не шумели, выступая оппонентами, — мы слушали тихо и внимательно.

Елена Олеговна с таким уважением, любовью и гордостью рассказывала о своих Учителях, о тех, кто создавал кафедру, кто работал на ней, в каких условиях, что мы невольно сами проникались гордостью и уверенностью в правильном выборе специальности и в том, что мы учимся и находимся в тех же аудиториях, где была создана кафедра и работали эти замечательные ученые, мы видим их портреты, кафедральную фототеку, коробки со слайдами на стеклянных пластинках, которые уже тогда казались нам «кафедральным антиквариатом», шкафы с дипломными работами выпускников, знаменитое черное кожаное кресло заведующих кафедрой, гравюры на стенах, книги на стеллажах...

А поколение уже наших преподавателей и лаборантов трепетно сохраняли все то, что было связано с кафедрой, с лучшими кафедральными традициями.

Лекции Е. О. Вагановой были удивительно интересными — читала ли она курс по искусству Средневековья, эпохе Возрождения, по музееведению или свой любимый «Золотой век» испанской живописи — появлялось ощущение, что мы в Италии, гуляем по Флоренции, Риму, Падуе, рассматривая фрески Джотто или Мазаччо, работы Микеланджело, Брунеллески или Донателло...

Когда Елена Олеговна читала лекции о столь любимом ею испанском искусстве, мы как будто «оказывались» в романтической, пламенной, горделивой Испании. Как мы мечтали тогда побывать во всех тех местах, о которых с таким воодушевлением рассказывала нам она...

Бывали и такие дни, когда Елена Олеговна приезжала на лекции на такси, будучи больной, объясняла нам, что на лекциях она чувствует себя значительно бодрее и лучше.

Мы понимали и ценили те замечательные качества, которые мы видели, которые так нужны для взаимопонимания — её любовь к нам, студентам, её самоотдача были самыми искренними.

Очень интересными были занятия в музеях, которые Елена Олеговна постоянно проводила с нами совместно с научными сотрудниками музеев. Особенно нравились занятия в Эрмитаже, обычно они проходили по понедельникам, когда в Эрмитаже был выходной день. Только представьте себе — Эрмитаж без столпотворения! Как это было прекрасно! Сейчас студенты лишены таких возможностей. Сейчас ВУЗы все больше переходят на он-лайн обучение, а образование, к сожалению, переведено в ранг *сферы услуг*.

В Эрмитаже проходили серьезные занятия на разные темы — античное искусство, искусство Средневековья, Возрождения, голландская живопись, импрессионизм, постимпрессионизм и др. При этом мы не только слушали таких удивительных и влюбленных в своё дело профессионалов, научных сотрудников музеев, но и сами участвовали в дискуссиях, готовили доклады. Это требовало серьезной и ответственной подготовки к занятиям, но это было настоящее «соприкосновение» с подлинным искусством.

Памятна поездка с Еленой Олеговной во Львов. Это была интересная и полезная архитектурная практика. Во Львове и пригородах Львова мы знакомились с различными стилями в искусстве, с интересными замками, особенно нам всем понравился Олесский замок (памятник архитектуры XIV–XVII вв.). Яркое впечатление на нас произвел не только замок как архитектурный памятник, но и вся экспозиция. В этом замке особенный восторг вызвала у меня уникальная барочная деревянная скульптура. Нам повезло побывать и в других замечательных музеях Западной Украины.

Нас учили понимать и чувствовать архитектуру, живопись, скульптуру, призывая к восприятию арт-объектов «живьем» и изучению архитектуры «ножками, ножками», чтобы понять «душу» места, города, мастера, архитектора...

Елена Олеговна действительно была ярким, искренним, эмоциональным, профессиональным искусствоведом с «искрой Божьей» и педагогом с большой самоотдачей.

Вспоминается еще один эпизод из лекционного курса Елены Олеговны Вагановой. Однажды, на какой-то из лекций по эпохе Возрождения, сломался диапроектор. Елена Олеговна расстроилась, что лекция срывается, стала сетовать на то, что делать в подобной ситуации и как работать с такой техникой, которая в самый неподходящий момент ломается, а взять другой проектор — просто нет никакой возможности, запасных диапроекторов нет, а те, что есть — у других преподавателей или в нерабочем состоянии...

Елена Олеговна была расстроена более всего тем, что лекцию придется отменять, что не могло радовать ни её, ни нас. Не каждую лекцию можно перенести в музей, например, в Эрмитаж, который рядом. Бесспорно, лекции по искусству итальянского Возрождения, об испанском искусстве или о мировоззрении барокко, Рубенсе, Рембрандте и многих других мастерах лучше перенести в Эрмитаж, что и делала часто Елена Олеговна и другие преподаватели, но Эрмитаж хоть и рядом, но «сорваться» быстро из аудитории (хотя мы всегда были «легки» на подъем) не всегда возможно, да и не получится, потому что музей уже закрыт, а мы студенты вечернего отделения и наши лекции начинались в семь часов вечера.

Дополнительных лекций и занятий в музеях у нас было много, но они планировались и назначались заранее, а мы старались находить возможность эти занятия не пропускать. Подобные занятия часто проводили Е. О. Ваганова, В. А. Булкин, Ю. М. Денисов.

Елена Олеговна была расстроена сломанным диапроектором, да и мы не радовались, что лекция срывается, потому что учились с интересом и стремились не пропустить ни одной лекции по специальности, правда, иногда позволяли себе из-за «духа бунтарства»¹ игнорировать некоторые другие дисциплины, не имеющие, как мы полагали, никакого отношения к нашим искусствоведческим интересам и наукам, но занимающие важное, более того, «привилегированное» положение (история партии, научный коммунизм и некоторые другие дисциплины) в системе советского образования тех лет.

Но возвращаемся к нашему сломавшемуся диапроектору. Нам была понятна реакция преподавателя на технические сбои в учебном процессе, она типична во все времена.

Так вот, когда лекция закончилась, мы не торопились покинуть кафедральную аудиторию, а стали обсуждать сложившуюся ситуацию и пришли к выводу, что к следующей лекции надо купить новый диапроектор и подарить Елене Олеговне, чтобы она никогда не расстраивалась из-за подобных проблем.

Диапроектор был куплен. Мы были горды принятым и осуществленным решением. Перед началом лекции установи-

ли новенький, хороший диапроектор и ждали радостной реакции и удивления Елены Олеговны от нашего «действия».

Елена Олеговна вошла в аудиторию и, увидев новый проектор, удивилась, спросив, где взяли? Мы с радостью отрапортовали, что это наш подарок для неё. И тут лицо и голос Елены Олеговны резко изменились. Это была другая Елена Олеговна.

Совершенно очевидным было то, что она не просто удивлена нашим подарком, а расстроена им намного больше, чем на предыдущем занятии сломанным диапроектором...

Мы услышали монолог, который не ожидали услышать. Не все сохранилось в памяти из монолога, но главное осталось. Она нас поблагодарила за такое отношение к предмету и к ней, а затем произнесла строгие слова, с непривычкой для нас интонацией, о том, что принять диапроектор не может по многим причинам, одна из которых заключается в том, что её просто выгонят с работы, потому что подобное недопустимо, что это категорически запрещено делать, называла еще какие-то причины и объясняла нам, что подобные поступки с нашей стороны — совершенно невозможны, категорически заявив, что *принять подарок от нас она не может...* Но она готова принять и оставить диапроектор, только при одном условии — мы назовем стоимость нашего подарка, а она вернет нам деньги...

Началась затянувшаяся дискуссия, в которой, на удивление, вся наша группа оказалась просто — «истинными дипломатами». Мы стали предлагать различные варианты сложившейся ситуации, и был выбран следующий: это подарок нашей кафедре как запасной вариант кафедральной техники, который официально нигде не будет числиться, а просто будет тихо стоять на кафедре.

Удалось, с трудом, убедить Елену Олеговну, мы наконец успокоились, что диапроектор оставлен, что он лучше другой кафедральной техники и, довольные одержанной победой, погрузились в искусство итальянского кватроченто.

Было еще много других приятных, замечательных, иногда немного грустных эпизодов в нашей студенческой жизни, которые постоянно всплывают в памяти. Они важны, потому что все то лучшее, что нам давали наши Учителя — мы постарались перенести в нашу профессиональную жизнь.

Это, прежде всего, любовь и уважительное отношение к студентам, это профессионализм, характерный для того времени и отличавший наших преподавателей, которые при постоянном сокращении и изменениях нагрузки на дисциплины по специальности старались изыскивать возможности на дополнительные занятия для того, чтобы в более полном объеме читать нужные нам курсы, проводить занятия в музеях и изучать архитектуру, не только на лекциях, но и вне аудитории.

Была еще одна особенность на нашей кафедре, которую мы ценили — иногда мы бывали у наших преподавателей дома. Мы сдавали наши рефераты или отчитывались по курсовым работам, иногда это были консультации, а иногда мы просто решали различные вопросы, в том числе и касающиеся наших предстоящих поездок. Елене Олеговне всегда можно было позвонить и попросить о консультации — она никогда не отказывала и всегда находила время для нас, помогала с литературой.

Если кто-то из студентов пропускал лекции — обязательно звонили домой и интересовались причиной отсутствия и нашим состоянием. Это была не только тревога за учебный процесс, но и беспокойство за нас и то хорошее доброе отношение к нам, которое мы всегда чувствовали.

А еще Елена Олеговна иногда говорила, что мы у нее — любимые! И мы понимали тогда ценность этих слов и дорожили таким отношением к нам.

Болезнь и столь ранний уход из жизни Елены Олеговны стали большим потрясением для всех нас, её студентов. Нам очень не хватало ее лекций, которые она читала с удивительным мастерством, любовью и профессионализмом, нам не хватало общения с нею, ее заботы, внимания, звонков, её добрых слов... Но благодарная память свято хранит все то лучшее, что связано с Еленой Олеговной Вагановой и другими нашими замечательными преподавателями.

Помимо лекций, семинаров, занятий в музеях, архитектурной практики на кафедре проходили интересные конферен-

ции, круглые столы, в которых мы тоже принимали участие. У нас была возможность увидеть, услышать и даже пообщаться с Д. В. Сарабьяновым, Е. И. Кириченко, Г. Ю. Стерниным, В. С. Турчиным, А. К. Якимовичем и многими другими интересными учеными искусствоведами. Были конференции и встречи в Москве. Запомнились общение с И. С. Зильберштейном о создании первого частного музея в нашей стране, его тревогу по этому поводу, бесконечные переговоры с Министерством культуры на протяжении нескольких лет о том, чтобы музей частных коллекций носил его имя, а «новые времена»² еще не наступили для подобных решений.

Не менее яркими оказались две встречи в Москве с сыном знаменитого архитектора советского авангарда Константина Мельникова, Виктором Константиновичем, в Доме архитектора в Кривоарбатском переулке, 10, куда мы ездили с Ю. М. Денисовым, который прекрасно знал и любил Москву и проводил постоянно интересные занятия по архитектуре Санкт-Петербурга и пригородов.

Как много важного и интересного мы узнавали при этих встречах и занятиях вне аудитории. Не менее яркими

были поездки с В. А. Булкиным по «Золотому кольцу», в Новгород, Ладогу, по нашим музеям, по пригородам. Иногда приходилось пройти несколько километров, порой в отвратительную погоду, чтобы увидеть кусочек настоящей, подлинной фрески...!

Нам очень повезло, что мы учились тогда и в то время, когда нашими преподавателями были Е. О. Ваганова, В. А. Булкин, Ю. М. Денисов, И. Д. Чечот, Н. Н. Калитина, Т. В. Ильина и другие. Их лекции также остались в нашей памяти, но это уже другая тема разговора, возможно, мы еще вернемся к ней, к истории нашей кафедры и не менее важной, на наш взгляд, теме образования в 1970-е–90-е гг. XX в.

Несколько страниц воспоминаний о Елене Олеговне Вагановой и кафедре хочется закончить цитатой автографа Н. Н. Калитиной в своей книге, который она написала для меня: «...помните о университете и Ваших учителях» (20.02.86).

Мы помним! Мы помним и храним любовь, признательность и глубокое уважение к нашим Учителям, стараемся следовать в нашей профессиональной жизни всему тому лучшему, чему они нас учили.

Примечания:

¹ За «дух бунтарства» мы получили однажды серьезную «встряску» от Нины Николаевны Калитиной, когда выяснилось, что на нескольких лекциях и семинарах по марксистско-ленинской эстетике не было ни одного студента нашей группы. Для нас всех эта несогласованная «солидарность» и недисциплинированность, также была неожиданностью, которую мы в последующие годы старались исправить, устанавливая очередь посещения некоторых курсов, но об этом эпизоде более подробно предполагается рассказать в воспоминаниях о Н. Н. Калитиной.

² И. С. Зильберштейн (28.03.1905–22.05.1988) — советский литературный критик, литературовед, искусствовед, коллекционер, доктор искусствоведения. Один из основателей и редактор сборников «Литературное наследство» (98 томов, 1931–1988). Более двадцати тысяч исторических документов по истории русской культуры И. С. Зильберштейном были возвращены из-за границы и частных собраний в государственные фонды и архивы СССР. Источник: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/404223> (дата обращения 29.04.20). Коллекция И. С. Зильберштейна — это небольшой музей русского и западноевропейского искусства, очень целостный в своем составе. Таким он и остался после того, как в 1987 г. Илья Самойлович передал свою коллекцию в ГМИИ. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы расстаться с такой замечательной коллекцией, и большой мудростью, чтобы понять, что только этот шаг — передача коллекции государству — единственная возможность сохранить ее.

Источник: http://www.artprivatecollections.ru/collection/i_s_zilberschtein/index.php (дата обращения 29.04.20).

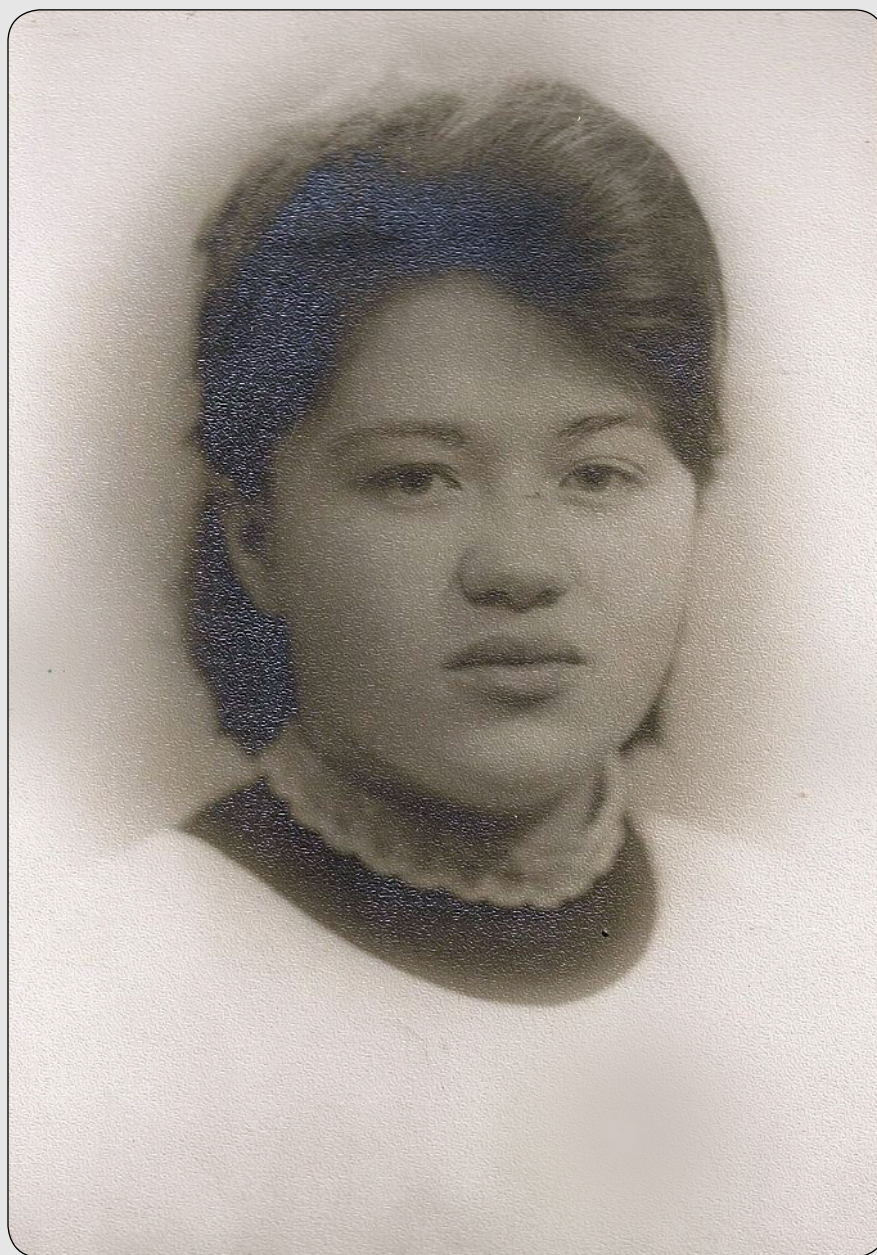
Илл. 1. О. А. Ваганов (1916–1953). Источник: <http://www.spbiran.nw.ru/vaganov-o-a/>

Илл. 2. Дом Е. О. Вагановой на Лермонтовском пр., 8а. Фотография Морозовой А. В.

Илл. 3. Школа № 243 на ул. Союза Печатников, д. 1

Илл. 4. Е. О. Ваганова. 1966. Фотография из школьного выпускного альбома. Фотография из архива М. Е. Мавлеевой

Илл. 5. Т. П. Знамеровская (1912–1977) — учитель Е. О. Вагановой. Фотография из альбома В. А. Булкина

Илл. 6. Бракосочетание Е. О. Вагановой и Б. М. Кирикова. 1969. Фотография из архива Б. М. Кирикова

Илл. 7. Б. М. Кириков. Совхоз деревни Малышево. Начало студенческой жизни. Сентябрь 1966. Фотография из архива Б. М. Кирикова

Илл. 8. Е. О. Ваганова, г. Пушкин. Весна 1968. Фото Б. М. Кирикова

Илл. 9. Е. О. Ваганова, г. Нарва. Лето 1969. Фото Б. М. Кирикова

Илл. 10. Бракосочетание Е. О. Вагановой и Е. В. Мавлеева. 1985. Фотография из архива М. Е. Мавлеевой

Илл. 11. Е. В. Мавлеев — второй муж Е. О. Вагановой. Фотография из архива М. Е. Мавлеевой

Илл. 12. Заседание кафедры истории искусства. 1970-е — начало 1980-х. Фотография из архива Т. Е. Сохор.
«Слева стоит Н. Н. Калитина, справа сидят (слева направо Т. В. Ильина, Е. О. Ваганова, М. Ю. Евсевьев).»

Илл. 13. Дом на наб. Фонтанки, в котором жила Е. О. Ваганова, двор. Фотография А. В. Морозовой.

Илл. 14. Дом на наб. Фонтанки, вид со стороны набережной. Фотография А. В. Морозовой.

Илл. 15. Е. О. Ваганова с дочерью Машей. 1975–1976.
Фотография из архива М. Е. Мавлеевой

Илл. 16. Е. О. Ваганова с дочерью Машей. 1976–1977.
Фотография из архива М. Е. Мавлеевой

Илл. 17. Е. О. Ваганова на кафедре. Фотография из альбома В. А. Булкина

Илл. 18. Фотография Е. О. Вагановой из Личного дела ЛГУ

Илл. 19. Фотография с портретами преподавателей из выпускного альбома студентов-искусствоведов ок. 1976–1981 гг. выпуска

Илл. 20. Дочь Е. О. Вагановой Маша Мавлеева с папой. Фотография из архива М. Е. Мавлеевой

Илл. 21. Дом на ул. Композиторов, 1

Илл. 22. Могила Казаковых Марии Дмитриевны и Наталии Александровны на Серафимовском кладбище. Фотография А. В. Морозовой

Илл. 23. Могила Вагановых Олега Александровича и Елены Олеговны на Серафимовском кладбище. Фотография А. В. Морозовой

М. Е. Мавлеева

Когда мы готовили выпуск журнала памяти Е. О. Вагановой, нам очень хотелось, чтобы его увидела дочь Елены Олеговны и Евгения Васильевича Мавлеева — Маша Мавлеева (род. 21 ноября 1975). Нам казалось, что журнал о маме прибавит Маше сил. Ведь если родители так рано ушли из жизни, значит, дети должны дожить за них то, что они не успели... Но мы опоздали. 29 июня 2020 г. Маша скоропостижно умерла.

Судьба Маши была нелегкой. В 8 лет она осталась без мамы, в 19 лет без отца. К сожалению, она унаследовала от мамы больное сердце и диабет. Другой человек на ее месте не вынес бы таких ударов судьбы. Но Маша всю жизнь оставалась удивительно светлым, добрым, милосердным и жизнерадостным человеком. Была заботливой, любящей и любимой старшей сестрой своим сводным сестре и брату.

Маша закончила гимназию № 148 им. Сервантеса (1983–1993) с углубленным изучением испанского языка. Поступила на испанское отделение факультета иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена, который закончила в 1998 г. Работала учителем испанского языка в школе, сначала в 513, позже в Паскаль лицее. Как гид водила группы туристов на английском и испанском языках. Была репетитором испанского. На своей страничке в Контакте она писала: «По профес-

сии я педагог, а по-простому училка, преподаю испанский; ...а также гидовство на английском, еще делаю переводы, второе увлечение — помощь бездомным животным, в основном занимаюсь пиаром, иногда передерживаю кошек и пристраиваю. Являюсь администратором-модератором сайтов www.domdlyadruga.ru и www.мурлыка.com».

Маша была творческим человеком. Писала романы и публиковала их в социальных сетях («Записки кота Криса», «Петербург-Барселона-Нью-Йорк» и др.). Любила кошек. Дома у нее жили многочисленные усаые питомцы.

Маша была необычайно эрудированным человеком, тонким в плане своих пристрастий в литературе, языке, искусстве, музыке, театре. Ее любознательность была безгранична. Она много путешествовала. Ей было очень интересно жить на свете.

Когда мы отмечали 70-летие ее мамы 13 апреля 2019 г., Маша приходила к нам в университет. После встречи мы стояли в галерее истфака на Менделеевской линии, и жизнь воспринималась такой счастливой... Пока была Маша, казалось, и Елена Олеговна еще где-то рядом...

Светлая память Маше Мавлеевой.

<https://vk.com/erizo1975> — адрес странички Маши в Контакте.